ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 59 (3088) Вторник, 19 мая 1953 г. Цена 40 коп.

Больших успехов, юные друзья!

Завтра начинаются экзамены в школах. Только лишь в одной Российской Федерации в 4—10 классах будут держать переводные и выпускные экзамены более десяти миллионов учащихся.

В Министерстве просвещения РСФСР корреспонденту «Литературной газеты» сообщили:

— В этом году школы улучшили свою работу. Вдохновленные решениями XIX съезда партии, советские учителя настойчиво добиваются новых успехов в обучении и воспитании детей. Предстоящие экзамены будут серьезной проверкой работы школ в 1952/53 учебном году.

Органы народного образования приняли меры к тому, чтобы экзамены проходили организованно, в спокойной и деловой обстановке. В прошлые годы были случаи, когда в некоторых школах темы письменных работ заранее сообщались учащимся. Представители органов народного образования порой интересовались только первыми днями экзаменов. В отдельных школах наблюдался чрезмерный наплыв различных представителей. Это, естественно, мешало нормальному ходу экзаменов. В ряде случаев, особенно на выпускных экзаменах, завышались оценки. Проверка знаний учащихся будет проходить в более строгом соответствии со школьными программами и экзаменационными билетами. Объективность в оценке знаний учеников — такова главная обязанность экзаминаторов.

В этом году в связи с поставленной XIX съездом партии задачей — приступить к осуществлению политехнического обучения — в школах больше уделяется внимания проведению лабораторных и практических работ. Вопросы политехнизма нашли отражение в экзаменационных билетах по физике, химии и биологии. В билеты по истории для десятых классов включен вопрос о XIX съезде партии и его историческом значении. В билетах по экономической географии для девятых классов отражены вопросы растущей экономики стран народной демократии.

Необычная встреча

В прошлое воскресенье в Московском Доме ученых состоялась не совсем обычная встреча. К шести часам вечера в Белом зале начали собираться люди почтенного возраста; здесь трудно было встретить человека моложе шестидесяти лет.

В 1913 году сто студентов, окончивших медицинский факультет Московского государственного университета, решили каждые пять лет устраивать встречи в Москве. С тех пор эти встречи стали традицией.

За прошедшие четыре десятилетия бывшие студенты медфака (многие из них в свое время работали уездными врачами) стали крупными учеными, видными деятелями медицинской науки.

В Белом зале Дома ученых встретились профессора Н. А. Плетнева, В. Э. Салищев, С. Н. Соколов, Л. И. Фогельсон, Б. В. Толоконников, С. И. Лапин, Ф. С. Бокштейн, Г. С. Демьянов и многие другие известные в медицине работники — всего шестьдесят восемь человек. Они съехались со всех концов страны. Г. П. Мхитарян вместе с дочерью Изабеллой — преподавательницей Ленинаканского педагогического института и сыном Петром — инженером приехали из Армении. Хирург-рентгенолог, заведующий железнодорожной больницей на станции Слюдянка В. П. Снедков — из Сибири.

В кратком вступительном слове доктор медицинских наук Я. Ф. Зильберг сказал, что за сорок лет выпускники медфака 1913 года создали более семисот научных работ и двадцать монографий. Более тридцати человек награждены орденами Ленина.

После небольшого концерта участникам встречи были вручены альбомы, в которых помещены фотопортреты выпускников медицинского факультета 1913 года.

◇ ◇

80-летие со дня рождения Анри Барбюса

Советская общественность широко отметила 80-летие со дня рождения замечательного французского писателя и борца за мир Анри Барбюса.

Союз советских писателей СССР, Советский Комитет защиты мира и Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР отметили эту дату вечером в Большом зале Московской государственной консерватории. А. Сурков, открывая вечер, охарактеризовал А. Барбюса, как одного из самых выдающихся сыновей Франции, одного из самых талантливых писателей XX века, последовательного борца за освобождение трудящихся, за мир и дружбу между народами всех стран.

С докладом на тему «Анри Барбюс — борец за мир» выступил В. Николаев.

Вечер, посвященный Барбюсу, закончился большим концертом, в котором были исполнены отрывки из произведений замечательного писателя.

* * *

С большой любовью и интересом относится украинский народ к творчеству выдающегося французского писателя Анри Барбюса.

В связи с 80-летием со дня рождения Анри Барбюса Гослитиздат Украины выпускает тридцатитысячным тиражом однотомник его избранных произведений. Студенты-филологи в университетах и педагогических институтах изучают творчество Барбюса. Изучается также его переписка с украинскими рабочими и студентами.

Быть мастерами своего дела!

Метод социалистического реализма — это метод не только художественной литературы — прозы, поэзии и драматургии, но и метод литературной критики. Об этом сказано в уставе Союза советских писателей, но об этом часто забывают даже сами критики. А ведь это значит, что критика должна отражать литературную действительность правдиво, исторически конкретно, в революционном движении и развитии. Это значит, что критика должна руководствоваться теми же принципами партийности и народности, тем же пониманием типичности, какими руководствуется все наше искусство. Это значит, что критика должна настойчиво добиваться повышения своего мастерства.

Советская критика является преемницей благородных классических традиций и имеет возможность опираться в своей деятельности на богатейший опыт. Именно русская литература выдвинула таких классиков критической мысли и мастеров критического жанра, как Белинский, Чернышевский и Добролюбов, в чьих статьях глубокий художественный анализ, тонкое понимание всех особенностей поэтической формы сочетались с боевой, целеустремленной политической направленностью. До сих пор непревзойденными образцами являются широта обобщений, сделанных Белинским в его знаменитых годовых обзорах русской литературы, глубина анализа в его монографических статьях, острота и принципиальность даже самых маленьких его рецензий. Изучая творчество писателей XIX века, мы до сих пор обращаемся к статьям великих революционных демократов. Большой вклад в русскую критику внесли своими лучшими работами марксистские критики-публицисты — Плеханов, Воровский, Шаумян, Луначарский, Ольминский.

Коммунистическая партия на протяжении нескольких десятилетий повседневно и неустанно помогает развитию литературы, вооружая писателей и критиков непобедимым теоретическим оружием марксизма-ленинизма. Ленинские статьи не только дали нам исчерпывающий анализ огромного и сложного художественного наследия Льва Толстого, но и раскрыли методологию подлинно марксистского понимания литературного процесса. Ленинские и сталинские замечания о литературе и искусстве служат нам надежной опорой для решения задач современной критики. Каждое постановление Центрального Комитета партии по вопросам литературы и искусства является для нас не только принципиальным теоретическим документом, но и образцом конкретной критики. Достаточно вспомнить, как глубоко раскрыта сущность ошибок, совершенных художниками при создании тех произведений прозы, поэзии, драматургии, кинематографии и музыки, о которых говорилось в решениях Центрального Комитета, принятых в послевоенные годы; достаточно вспомнить, с какой исчерпывающей ясностью сформулированы задачи литературы на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза.

Правдиво и исторически конкретно рассматривать литературу в ее движении и развитии — это значит, прежде всего, соотносить литературу с жизнью, с историческим процессом.

В наши дни в литературу вошли новые жизненные явления, вошли новые герои; противоречия действительности, а стало быть, и конфликты, изображаемые в литературе, весьма сложны и многообразны. Всестороннее знакомство с жизнью нашей страны, нашего народа, глубокое изучение международных проблем, серьезное знание основ современной экономики, науки и техники необходимы для плодотворной критической работы. Кабинетная, оторванная от жизни, абстрактная критика не может пользоваться авторитетом ни у писателей, ни у читателей. И читатель, активный строитель советского общества, и писатель, наблюдавший и изучавший то, о чем он пишет, снисходительно улыбаются, читая туманные похвалы за «хорошее знание материала», и законно возмущаются, встречая упреки в том, что «так в жизни не бывает», — похвалы и упреки, высказанные на основании случайных, поверхностных сведений. Отрывом от жизни в значительной степени объясняются и многие ошибки нашей критики, в частности, утверждение о нетипичности отрицательных явлений и «теория» бесконфликтности — эти наиболее явные отступления от жизненной правды.

Исторически конкретно подходить к явлениям литературы в их движении и развитии — это значит рассматривать произведение не только в связи с жизнью страны, но и в связи с развитием литературы в целом. Вместе с тем, при определении достоинств и недостатков произведения нельзя упускать из виду всю прошлую деятельность писателя, его место в литературном процессе. Иногда, связывая недостатки того или иного произведения с прошлыми ошибками писателя, критики оставляют без внимания прошлые его достижения. Помнить же об этих достижениях необходимо. И не для того, чтобы «прощать» ошибки, а для того, чтобы помочь писателю преодолеть их, опираясь на все лучшее в собственном творчестве. Ведь задача самой суровой критики состоит в том, чтобы помогать писателям совершенствовать свои произведения, повышать их идейно-художественный уровень; задача состоит в том, чтобы развивать дарование каждого советского писателя в соответствии с его индивидуальными особенностями.

Одна из важнейших задач критики — разработка теоретических проблем современной литературы и обобщение творческого опыта советских писателей. Но решение этой задачи невозможно, если авторы теоретических статей не занимаются конкретной критикой.

У нас нет статей-обзоров за год, у нас мало монографий о советских писателях. Но ведь явно недостаточно пишется у нас и критических статей и рецензий об отдельных книгах, или пишутся они с огромным опозданием. Давно уже вышли такие книги, как «Зарево» Ю. Либединского, «Сказание о казаках» Дм. Петрова-Бирюка, «Приговор» А. Письменного, «Хребты Саянские» С. Сартакова. Но ни в журналах, ни в газетах, в том числе и в «Литературной газете», до сих пор все еще нет рецензий на эти произведения. А ведь каждая книга — и хорошая и плохая — может служить поводом для постановки принципиальных вопросов мастерства, для решения теоретических проблем. И, главное, каждая книга должна интересовать критика, которому дороги судьбы родной литературы и не безразлична судьба писателя — известного или неизвестного, маститого или начинающего.

Насколько далека критика от выполнения своей боевой задачи активно участвовать в развитии литературы, можно судить хотя бы по тому, что многие квалифицированные критики почти не выступают с рецензиями на новые книги. Так, за 1952 г. Л. Скорино написала пять рецензий, А. Макаров — четыре, В. Смирнова — две, А. Дементьев — две...

Мы иногда забываем, что написать критическую статью — это не значит пересказать и прокомментировать содержание книги и сделать несколько замечаний о языке.

Мы иногда забываем, что критика — это одна из полноправных областей литературного творчества, имеющая и свои специфические особенности, и свои жанры. Подобно тому, как в поэзии, прозе и драматургии нельзя решить идейные задачи, не решив задач композиции, стиля и языка, так и в критике вопросы мастерства неразрывно связаны с идейной глубиной и направленностью. Ясная и глубокая мысль ищет точного выражения; продуманный анализ требует четкой композиции; верное понимание сущности искусства заставляет искать идейный смысл разбираемых произведений в самой их художественной ткани, а значит, говорить о художественных особенностях не в конце статьи, в виде необязательного приложения к разбору содержания, а в процессе самого этого разбора.

Большие критические жанры — монографии, обзоры и проблемные статьи — это жанры не менее трудные и сложные, чем роман или поэма. Раскрыть сущность произведения, определить своеобразие писателя, создать его литературный портрет не менее трудно, чем создать образ литературного героя или построить сюжет романа. А написать короткую рецензию не менее ответственно, чем написать рассказ или стихотворение.

Критика призвана активно вмешиваться в развитие советской литературы, помогая художникам слова совершенствовать свое творчество; она призвана глубоко и всесторонне осмысливать процессы литературного развития, обобщать творческий опыт писателей, разрабатывать теоретические вопросы метода и стиля советской литературы; она призвана и выражать советское общественное мнение и помогать формированию этого общественного мнения.

Для того, чтобы критика успешно решала эти задачи, чтобы, наконец, покончить с отставанием критики, необходимо решительно улучшить работу и литературных организаций и критических отделов редакций и издательств. Творчество критиков следует обсуждать в секциях наравне с творчеством других писателей. Должны быть найдены живые формы изучения жизни — путем творческих поездок, встреч с читателями, участия в лекционно-пропагандистской работе. Никому не придет в голову ограничивать поэта числом строк или романиста — числом страниц: надо и критикам дать возможность определять объем своих книг в соответствии с замыслом, писать циклы статей, применять в критической работе оружие сатиры, вступать в острую полемику.

А критикам, и молодым, и более опытным, необходимо с гораздо большей ответственностью отнестись к своим трудным задачам, с гораздо большей принципиальностью подходить к анализу литературных явлений, с гораздо большей ответственностью бороться за высокое мастерство подлинно марксистской, боевой и глубокой критики.

Фестиваль венгерских фильмов

Вчера в Москве, Ленинграде и во всех столицах союзных республик открылся третий фестиваль кинофильмов Венгерской Народной Республики. Он продлится с 18 по 24 мая. На фестиваль в Москву прибыла делегация видных деятелей венгерского киноискусства под руководством начальника отдела кинематографии Министерства культуры ВНР М. Санто. Среди гостей находится один из ведущих кинорежиссеров Венгрии, дважды лауреат премии Кошута Мартон Келети, хорошо известный советским зрителям по фильмам «Мишка аристократ», «Яника», «Странный брак», «Новички на стадионе» и «Венгерские мелодии».

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» М. Келети рассказал:

— Две трети всех фильмов, выпускаемых в нашей стране, посвящены современной теме, героям наших дней. Мы широко привлекаем к работе в кино видных венгерских писателей.

По сценарию поэта Д. Ийеша создан фильм «Восстало море», раскрывающий славную страницу борьбы венгерского народа за освобождение в 1848—1849 гг. Писатель Ш. Калман написал сценарий фильма «День гнева», посвященный венгерской революции 1919 года. В этом фильме впервые будут показаны образы Ленина и молодого Ракоши. Писателю Т. Барабашу удалось создать романтический историко-приключенческий сценарий «Лейтенант Ракоци». По сценарию писателей Андраша, Палотаи и Турзо я начинаю съемки художественного фильма о новом социалистическом городе, первенце нашей пятилетки, создаваемом на берегу Дуная, — «Сталинварош».

Кроме полнометражных фильмов, наша киностудия готовит ряд короткометражных сатирических комедий о предрассудках, бюрократизме и других отживающих «пятнах» капитализма. Одна из таких комедий вышла недавно на экраны страны. Писатели, впервые работающие над сценарием, получают большую творческую помощь от мастеров киноискусства.

Встречи наших кинематографистов с советскими писателями и кинодеятелями на фестивалях помогают нам улучшать качество новых сценариев и фильмов.

* * *

Вечером в московском Доме кино состоялось торжественное открытие фестиваля, на котором присутствовали венгерские гости, советские кинематографисты и представители московской общественности. Гостей приветствовали заместитель министра культуры СССР И. Большаков, заместитель председателя Мосгорисполкома З. Миронова, народный артист СССР М. Чиаурели. С ответными речами выступили Чрезвычайный и Полномочный Посол Венгерской Народной Республики в Москве А. Складан и руководитель делегации Миклош Санто. В заключение вечера состоялся просмотр нового цветного венгерского фильма «Буря».

Хорошие люди

12 мая в «Литературной газете» была опубликована корреспонденция «Хорошие люди». В ней рассказывалось о том, как девочке Вале Суворовой советские люди и в частности подполковник А. Калиниченко помогли найти ее мать, которую она потеряла в 1941 году, в первые дни войны. В течение этих лет Валю воспитывала украинская крестьянка Мария Падус.

* * *

...Пожалуй, никогда за всю историю существования станции Красное, что на Львовщине, не было на ней такого скопления народа, как десятого мая, когда Софья Суворова вместе со своей найденной дочерью уезжала в Москву.

Задолго до прихода поезда не только перрон, но и все прилегающие к станции железнодорожные пути заполнили колхозники окрестных сел, жители районного центра Красное, педагоги и подружки Вали Суворовой из Скварявской средней школы. Почти у всех в руках были цветы: сирень, ландыши, тюльпаны, черемуха.

Для того, чтобы собравшиеся могли увидеть счастливую мать с дочерью и колхозницу Марию Падус, которая с первых недель Великой Отечественной войны и до последнего времени воспитывала Валю, пришлось подогнать к перрону случайно оказавшуюся поблизости автомашину. С этой-то импровизированной трибуны и открылся митинг...

Когда через двое суток поезд пришел в Москву, на Киевском вокзале мать и дочь встречали родные, знакомые и незнакомые люди. В числе встречавших был и подполковник-пограничник А. Калиниченко.

Первой из вагона выскочила Валя Суворова. Она протянула подполковнику большой букет сирени и заплакала.

— Дякую за те, що ви знайшли мене і повернули до рідної мами! — сказала Валя.

Подполковник обнял девочку.

Возле дома № 14 по Мытной улице, где живет бабушка Вали Евгения Михайловна Сенкевич, к моменту приезда Суворовых собралось много людей. Не только соседи, но и совершенно незнакомые люди заходили в комнатку бабушки, где временно остановилась Валя, поздравляли.

Длилось это до поздней ночи. В комнате хранятся сейчас самые разнообразные подарки, которые получила Валя в день своего приезда в столицу: библиотечка от пограничников, отрез крепдешина на платье от сотрудников завода, альбомы от школьников, одеколон, носки, чулки, фрукты, конфеты.

Школьница Люда Калиниченко пригласила Валю Суворову от имени своих подружек прокатиться на пароходе по Москве-реке. Матросы и весь экипаж парохода № 26, узнав о том, кто такая их юная пассажирка, уговорили и подполковника Калиниченко проехаться с ними до Серебряного бора.

...Сейчас, когда пишутся эти строки, все чаще и чаще заглядывают почтальоны в квартиру на Мытной улице, где остановилась Валя Суворова. Ее история, рассказанная в газете, затронула сердца советских людей, живущих в различных городах нашей страны.

В каждой строчке многих писем, адресованных Вале и Софье Михайловне Суворовым, мы вновь узнаем широкую, благородную, отзывчивую душу наших советских людей, для которых счастье одного человека всегда является большим всенародным счастьем.

Владимир БЕЛЯЕВ

ЛЬВОВ — МОСКВА

В море — пароход „Мста“

◇

А. ПИСЬМЕННЫЙ

◇

МУРМАНСКИЙ торговый порт. Отсюда в далекие страны уходят корабли. В управлении пароходства вам покажут радиограммы со всех концов света. А в сведениях о местонахождении судов, ежедневно сообщаемых диспетчерской службой пароходства, вы можете узнать, что такое-то судно «снялось» из Сингапура, где приняло провизию и 70 тонн воды, а такое-то заканчивает погрузку в Антверпене, чтобы итти на Виндаву, а такое-то пересекает Индийский океан на пути из Циндао в Штеттин...

Но вот передо мной письмо, присланное отсюда, из Мурманска, в Москву. Снова и снова я перечитываю его. Романтика дальних плаваний, соленый запах моря, штормовые ветры, извечная борьба моряков с суровой стихией, все то, что с детства волновало наши сердца, предстает передо мной в ином, будничном, деловом свете.

В письме рассказано об одном рейсе, когда пароход «Мста» возвращался из заграничного плавания в бурную погоду. Судно валило с борта на борт, кидало по морю, немилосердно било встречной волной. И все же моряки «Мсты» не сбавляли хода. Машинная команда работала точно и споро; кочегары держали пар «на марке», как говорят моряки, то есть на пределе, на красной черте манометра; рулевые внимательно следили за картушкой компаса, стараясь держать судно строго по заданному курсу, чтобы оно не рыскало и не удлинялся его путь.

Несмотря на встречный ветер и штормующее море, пароход «Мста» шел по стахановскому графику, и у судовой команды были все основания полагать, что в назначенный срок груз будет доставлен в Мурманский порт.

Что такое стахановский часовой график?

Для многих советских моряков часовой график стал законом рабочего времени. Диспетчерская служба в порту заранее высчитывает, сколько продлится путь корабля, какой потребуется срок на выгрузку и погрузку. Это и есть часовой график — производственная программа моряка. В часовом графике как бы заключены моральные обязательства перед Родиной, взятые на себя матросами, кочегарами, рулевыми. Часовой график является и своего рода расчетной книжкой моряка — перевыполнен часовой график, моряк получает премиальные.

Сплоченные, сработавшиеся судовые команды перед выходом в очередной рейс подробно изучают часовой график, составленный диспетчером пароходства, обсуждают свои возможности и частенько берут на себя встречные обязательства, поправляют диспетчера, выискивают способ сократить ходовое время, пораньше доставить груз на место назначения. При подходе к порту команды нередко вызывают на социалистическое соревнование портовый коллектив, ставя условием — досрочно окончить грузовые операции.

В тот рейс, о котором писали моряки «Мсты», пароход почти на тридцать часов опередил свой график. Люди радовались, поздравляли друг друга, редактор судового «Бюллетеня» готовил специальный выпуск.

А утром, когда «Мста» подходила к Мурманскому порту, судовая радиостанция приняла коротенькую радиограмму: «Стать на рейд в ожидании выгрузки».

И на рейде пароход «Мста» израсходовал все то время, которое героическим трудом сэкономила команда во время плавания. Сверх того, судно потеряло на простое изрядное число часов.

Исключителен ли случай, рассказанный выше?

По поручению редакции я посетил Мурманский и Ленинградский порты, побывал на судах, только что вернувшихся из плавания, разговаривал с моряками, с портовыми работниками, со специалистами по эксплуатации морских судов, с диспетчерами, с сотрудниками политотделов.

Я узнал, что простои, подобные случившемуся с пароходом «Мста», — явление весьма обыденное. Мне рассказали о десятках случаев, когда погрузочные неполадки съедали все достижения моряков, завоеванные ими трудной, иной раз героической работой.

Вот, например, стал на погрузку в Мурманском порту пароход «Карамзин». Погрузочные операции еще не были закончены, как железная дорога подала в порт порожние вагоны. По существующему положению (и это правильно!) железнодорожные вагоны должны грузиться в первую очередь. Портовики не сумели или не захотели сманеврировать — они отозвали с «Карамзина» всех грузчиков. «Карамзин» впустую простоял у причала пять часов.

Вот случай, происшедший на Балтике. Судовой штурман парохода «Истра» тов. Аносов вычертил большую карту Балтийского моря и ежедневно красным флажком отмечал на ней местоположение парохода. Он вычертил также диаграмму, по которой видно было, как кочегары держат пар и как работают рулевые. Все шло по часовому графику...

Но вот приходит «Истра» в порт назначения, и ее не разгружают сутки, двое, трое, потому что она не попала в норму одновременной обработки судов, установленную министерством для каждого порта.

Лучшего примера «фетишизации» установленных норм не придумаешь! Достаточно сказать, что есть немало портов, технические средства которых позволяют одновременно обрабатывать, скажем, восемь судов. Но нормы министерства по каким-то причинам предусматривают обработку, только, предположим, трех судов. А потому... все суда, прибывающие в порт сверх установленной нормы, должны простаивать в ожидании очереди.

Специалисты по эксплуатации морских судов утверждают, что перевыполнение плана перевозок никогда в целом не зависит от моряков. Моряки, работая по-стахановски, экономят часы. Часы, но не сутки! Сутки могут сберечь (так же, впрочем, как и потерять!) работники порта. Но дальше начинается явление парадоксальное.

При экономии времени моряки получают только за то, что действительно выиграно ими, — за сэкономленные часы. А при потерях, как правило, они отвечают и за то время, которое пропало в порту совсем не по их вине. Они отвечают за все потери, происходящие в результате вынужденного простоя на рейде, у причала, за потери из-за недогрузки судна, из-за неожиданной переадресовки, когда корабль в пути получает указание повернуть в другой порт.

В случае с пароходом «Карамзин», когда судно по вине порта простояло впустую пять часов, виновными также оказались моряки. После 5-часового простоя портовые работники чуть ли не за полчаса закончили разгрузку парохода, перевыполнив свои нормы.

В итоге они получили от пароходства диспач, то есть премию. А моряки свою премию потеряли, хотя груз доставили в порт досрочно.

Шел из Мурманска пароход «Лигово». В дороге главк неожиданно изменил его маршрут, — новый порт к внезапному приходу судна не был готов. В ожидании причала «Лигово» простоял на рейде 102 часа и вместо 48 часов, полагавшихся по плану, провел в порту 137 часов. И за это моральную и материальную ответственность понесли моряки.

В Ленинградском порту я побывал на пароходе «Пулково». На его борту я познакомился с председателем судового комитета Валентином Анатольевичем Осетинским.

С палубы к нам в каюту доносились звуки пилы и стук молотков — это матросы, чтобы ускорить выход судна в новый рейс, готовили трюмы для размещения груза. Не торопясь, Осетинский рассказывал мне о судовом житье-бытье, и все, о чем он говорил, полностью подтверждало тревогу, высказанную в письме из Мурманска.

Как-то «Пулково» благополучно заканчивал очередной рейс. Все шло прекрасно. Совсем близко от порта назначения пароход попал в густой туман. Ни один лоцман не брался провести судно в гавань. Пароход стал на рейд, график был сломан, сэкономленное время потеряно, судну был записан простой, вся вина легла на судовую команду.

В другой раз «Пулково» стоял на погрузке в Клайпеде. Диспетчер пароходства присылает радиограмму: «Просьба сэкономить на стоянке пять часов». Моряки вышли на подмогу грузчикам. Целую смену матросы и кочегары, рулевые и вахтенные таскали тяжелые мешки с грузом. Работали весело, дружно. А когда, сэкономив требовавшиеся пять часов, пришли в Ленинград, день оказался неподходящим для разгрузки, и пароходу был записан простой.

Что же получается? А то получается, что из 18 рейсов, сделанных пароходом «Пулково» в одном из кварталов прошедшего года, только 5 были им выполнены в срок. На простоях судно потеряло около 30 суток эксплуатационного времени.

Проще простого было бы во всех этих бедах и несправедливостях обвинить работников порта. Но это совсем не так. Да, конечно, есть порты недостаточно механизированные, есть и такие, в которых имеющиеся механизмы плохо используются. Но, например, Ленинградский порт работал хорошо. В прошлом году в этом порту большинство судов было обработано досрочно. Не плохо работает также и Мурманский порт. Но работать лучше Мурманскому порту мешали те же причины, что и морякам. И портовикам и судовым командам мешает, в сущности, одно и то же — недостатки планирования.

Если вы спросите начальника Мурманского порта Василия Александровича Косякова, что надо, чтобы порт работал лучше, он ответит:

— Мы очень много простаиваем. Вот сегодня погрузили на суда раз в десять меньше того, что полагалось по плану. А в конце месяца, как всегда, начнется бешеный аврал! Сколько лет ставим вопрос об упорядочении графика движения судов, а все остается по-старому. 20 дней порт работает в полсилы, суда подаются неравномерно, а в конце месяца — затор из пароходов!

Для судовых команд часовой график стал железным законом всей работы. Кто же мешает выполнению графика, кто подчас срывает его? Конечно, в каждом конкретном случае можно найти людей, повинных в этом. Но мало говорить здесь об отдельных фактах! Хочется сказать о главном: в бывшем Министерстве морского флота свыклись с порочной системой планирования движения судов и учета работы судовых команд. Эта негибкая, закоснелая система и стала помехой в борьбе моряков за точное соблюдение часового графика.

Часто бывает, например, так: планирующая организация предполагает, что судно будет совершать рейсы между Мурманском и Виндавой. На соответствующее расстояние и составляется план. Но в действительности судно ходит на гораздо более коротком плече, скажем, на линии Мурманск—Лондон. Поэтому к концу учитываемого периода оказывается, что по тоннам свой план судно перевыполнило, а по тонно-милям едва дало 50 процентов плана.

Часто диспетчерская служба неправильно составляет часовой график. Мне рассказали случай, когда на провод судна по морскому каналу в одном из портов диспетчер наметил восемь часов. Дело происходило зимой, и диспетчеру заведомо было известно, что в этот срок команда не сможет пройти канал из-за ледовых условий. Давая такой невыполнимый срок, диспетчер, правда, сделал на графике приписку: «В дальнейшем намеченный срок будет прокорректирован в соответствии с действительностью». И он сдержал свое обещание. Беда была вся в том, что «корректировку в соответствии с действительностью» диспетчер сделал, как всегда в таких случаях, через месяц, когда судовая команда уже подвела итоги соревнования, получила расчет за проделанный рейс.

Об этих и подобных им фактах моряки писали и в бывшее Министерство морского флота, и в ЦК союза рабочих морского транспорта. Министерство никаких изменений в привычные для него «порядки» не внесло, а ЦК союза откликался лишь на отдельные конкретные жалобы, принимал участие в решении того или иного конфликта. И вот в опубликованных в феврале условиях социалистического соревнования предприятий и судов бывшего Министерства морского флота на 1953 год все осталось попрежнему, насущные требования моряков не отражены в этом официальном документе. Хочется верить, что руководители нового министерства — Министерства морского и речного флота СССР сумеют заменить устаревшую систему планирования и учета работы судов более жизненной, оперативной, гибкой.

ИСКУССТВО УКРАШАЕТ БЫТ

Армения издревле богата камнем. Но камень, украшенный резьбой, каменные капители или колонны армянам веками встречались только в обломках погибших памятников. Поэтому особенно радостно сейчас, в наши дни, видеть стройные колонны, украшающие дома, сельские клубы, больницы, школы, видеть тонкую резьбу на капителях, на карнизах новых домов...

Точно так же было и с мозаикой. С детства мы привыкли видеть ее на полуразрушенных стенах старинных храмов. Но это было лишь намеком на то, чем можно было когда-то любоваться. Мы видели потускневшие, выцветшие краски — следы былой красоты, а нам объясняли: «Это — старинные фрески...». На твердых известковых массивах разрушенных стен древних храмов сохранились кое-где разноцветные камни. «Это — старинные мозаики», — говорили нам.

Целиком сохранившейся, не несущей на себе разрушительных следов времени и сражений, мы не находили ни единой мозаики, ни одной уцелевшей фрески.

Впервые я увидел настоящую мозаику, сделанную в наши дни, в чудесных дворцах московского метро. Это монументальное искусство было возвращено к жизни, как и многое другое в нашей стране.

Под руками русских архитекторов, художников, мастеров мозаика зажила новой жизнью, обновилась и теперь рассказывает своим многовековым, вечным и всегда молодым языком о наших славных победах.

Но так уж повелось в нашей стране: то, что становится достоянием русского народа, русского искусства, быстро доходит до самых отдаленных уголков страны.

И вот впервые я стою перед армянской мозаикой — не перед обломками старины, не перед случайно уцелевшим фрагментом, а перед мозаичным панно, рассказывающим о счастье освобожденного армянского народа. В скромном месте красуется оно — в новом магазине «Армения», на площади Пушкина в Москве.

Принимавшие мозаику члены художественного совета лауреаты Сталинской премии проф. П. Шухмин, архитекторы А. Ростковский, Я. Белопольский и другие написали в своем заключении, что это панно «является первым в истории армянского искусства советского периода мозаичным монументальным произведением и имеет большое значение для развития национального монументального искусства».

Да, эта работа имеет большое значение для наших мирных строек, осуществляемых на века. Им, этим стройкам, по пути с искусством, которое расскажет грядущим векам о наших славных днях.

Несколько тысяч камней использовал молодой художник Армен Вартанян для создания этого не очень большого панно (5,5 квадратных метра). Художник сумел органически увязать живой реалистический рисунок панно с архитектурным решением интерьера.

Когда впервые взглядываешь на работу А. Вартаняна, так и кажется, что из глубин зала тебе навстречу легко идет молодая армянка, несущая на плече корзину с фруктами. Красивая, крепкая, она, кажется, вся пропитана запахами щедрой осени. Она приветливо улыбается застенчивой улыбкой, в которой ощущается сила человека, счастливого своей жизнью, работой, любовью. Ее красота — не выдуманная, не созданная воображением художника. Нет, это земная, живая красота; такую девушку можно встретить в любом колхозе Армении; все в ней — от жизни, от молодости, от благородной простоты... На светлом платье — розовый фартук, голова покрыта белым платком, защищающим от знойного солнца, на смуглой шее — ожерелье, точно нанизанные на нитку зернышки граната, а круглые прозрачные серьги напоминают виноградины — янтарные, крупные, с едва приметной дымчатой поволокой. У ее ног корзины, наполненные только что снятыми фруктами — желтовато-розовыми персиками, айвой, тяжелыми гроздьями винограда. Виноградные лозы тянутся кверху справа и слева от нее и сплетаются над головой, создавая светлозеленую арку. А вдали — поля, синие горы, и над всем этим золотой, знойный, солнечный воздух Армении.

Знаменательно, что это панно о красоте свободного труда армянского народа создано из камней, привезенных со всех концов нашей страны. Здесь и старинные смальты разных цветов, и уральские яшма и малахит, и розовый орлец.

Если перейти через зал, то увидишь родину этой армянки — новый Ереван, — выполненное темперой панно того же художника. Оно называется «Утро Еревана». Это вид города с высокого Канакерского плато, где стоит величественный монумент И. В. Сталина. Поэтичное, написанное в мягких тонах, это панно прекрасно передает молодость Армении, новизну и свежесть ее жизни, счастья, стремлений.

Мозаика, фреска — это монументальное искусство, способное активно утверждать идеи борьбы и созидания, украшать наш быт, воспитывать в человеке чувство красивого. У этого искусства в нашей стране — большое будущее. Пусть подлинные произведения искусства появляются в магазинах, в столовых, на вокзалах, в театрах — всюду, где часто бывают люди. Празднично украшая наш быт, такие произведения искусства воспитывают художественный вкус народа. И если сейчас архитекторы порой робко обращаются к художнику, то недалеко время, когда строительство общественных сооружений будет немыслимо без живописи или скульптуры. Потому и радует нас так каждая удача на этом пути.

Геворг ЭМИН

К юбилею Гафура Гуляма

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). В конце мая советская общественность отметит 50-летие со дня рождения и 30-летие литературной деятельности известного узбекского поэта, лауреата Сталинской премии Гафура Гуляма. В городах и селах Узбекистана готовятся к юбилею. На промышленных предприятиях, в колхозах, школах и в высших учебных заведениях проводятся литературные вечера, открываются выставки, организуются встречи поэта с читателями.

Союз писателей Узбекистана совместно с Институтом языка и литературы Узбекской академии наук проведет научную сессию, посвященную творческому пути поэта.

Недавно вышел сборник стихов поэта для детей и сборник песен узбекских композиторов, написанных на стихи юбиляра. Узбекское государственное издательство выпустит на русском и узбекском языках сборник избранных произведений Гафура Гуляма. Однотомники произведений поэта издаются к юбилею также Гослитиздатом СССР, Таджикским и Туркменским государственными издательствами.

Новые стихи

Сергей ОСТРОВОЙ

Три имени

Три женских имени в России,
Как три судьбы, как три пути...
Ты вышел в странствия земные —
С каким из них тебе итти?!

С Надеждою? С Любовью? С Верой?
Кто спутница в твоей судьбе?
С кем в летний день
иль в зимний, серый,
В далекий путь итти тебе?!

С кем? Как зовут ее? Любовью?
Дойди до этой высоты!
И всей душой своей, всей кровью
Светлей и чище станешь ты.

А может, в путь пойдешь ты с Верой?
С ней победишь в любой борьбе.
Будь терпелив — и полной мерой
Судьба за все воздаст тебе.

А я в свой путь — пойду с Надеждой!
Где б ни был я — она со мной.
Все то, о чем мечтал я прежде, —
Соединилось в ней одной.

Люблю ее. Мне с ней надежно.
С ней, верю, — землю подниму!
...А без Надежды разве можно
Жить человеку одному?!

Березка

Всё ярче сумерки синели,
Звенели высвисты щегла,
И вдруг негаданно, в апреле
В лесу березка зацвела.

Еще черна и не одета,
Она стряхнула снег с ветвей
И долго хмурилась от света,
И все лететь хотелось ей.

А рядом с ней подружки спали,
От зимних снов не пробудясь,
И только с ней лучи играли,
Почти что звуком становясь.

Но так уж водится в апреле —
Вслед за теплом пришел мороз,
Подули вьюги и метели,
Седой буран леса занес.

И, цепенея от мороза,
В своей отчаявшись судьбе,
Поникла тонкая береза...
А я подумал о тебе.

Еще и лет тебе немного,
Еще не полюбила ты,
Уже темна твоя дорога
И горем тронуты черты.

День ото дня уходит сила,
У губ морщинка залегла...
Ты слишком рано жить спешила,
Души своей не берегла.

А мы тебя не пожалели
И не спасли тебя от слез,
Как ту березку, что в апреле
Сломал негаданный мороз.

Ахмед ЕРИКЕЕВ

В морском порту Казани

ПЕСНЯ

Пишет, пишет друг подруге и роняет
невзначай:
«Жди меня в порту Казани,
обязательно встречай!»

Пишет милый, что на море служит
нынче моряком,
На большом, на синем море, но не
пишет — на каком.

Долгожданный срок приходит, встреча
нежная близка.
И в морском порту Казани ждет
подруга моряка.

Вот с Азовского приходит
раскрасавец-пароход.
Ищет девушка глазами, кого надо, —
не найдет.

С моря Белого по Волге приплывают
корабли.
Но, видать, они подруге моряка не
привезли.

С четырех морей успели корабли в
Казань приплыть.
Нет дружочка дорогого! Что же
делать? Как же быть?

Нет его среди каспийцев, и среди
балтийцев нет!
Только грустью соловьиной сердце
полнится в ответ.

Тут красавице спокойно шепчет Волга
мать-река:
«Не грусти! Ведь черноморцы не
причалили пока!..»

Перевел с татарского
Сергей ВАСИЛЬЕВ

Александр ЯШИН

Тетерев

Словно первый парень на пиру,
Он ходил-гулял в глухом бору,
Разгребал под соснами песок
И тетеркам подавал басок.

Где им устоять перед таким! —
Он неутомим,
Неотразим...
Белая манишка колесом,
Белая салфетка под хвостом.

Крылья, словно полы пиджака,
По земле волочатся слегка,
И цепочка через весь жилет...
Никаких часов, конечно, нет.

Хвост расправил,
Зоб надул,
Взлетел,
Оглядел окрестный березняк
И к тетерке соколом подсел —
Расфранченный,
Дураком дурак.

Сел он против моего ствола.
А тетерка — чучелом была.

Сергей МИХАЛКОВ

„Словечки-калечки“

(Из Ю. Тувима)

Грустный, сонный, невеселый
Ежи наш пришел из школы,
Сел к столу, разок зевнул
И над книжками заснул.

Тут явились три словечка:
«Апельсин», «Сосна», «Колечко».
Подошли они все трое
И сказали: «Что такое?
Что ты, Ежи, сделал с нами?
Мы пожалуемся маме!»

«Я, — воскликнул «Апельсин», —
Никакой не «Опельсын»!»

«Я, — расплакалось «Колечко», —
Никакая не «Калечка»!»

«Я, — разгневалась «Сосна», —
Я до слез возмущена!
Можно только лишь со сна
Написать, что я «Сасна»!»

«Мы — слова — оскорблены
Тем, что так искажены!
Ежи! Ежи! Брось лениться!
Так учиться не годится!
Невозможно без внимания
Получить образование!
Будет поздно! Так и знай!
Станет неучем лентяй!

Если ты еще хоть раз
Искалечишь, мальчик, нас,
Мы с тобой поступим круто,
Нашей честью дорожа, —
Имя «Ежи» в полминуты
Переделаем в Ежа!

Будешь ты ежом колючим!
Вот как мы тебя проучим!»

Ежи вздрогнул, ужаснулся,
Потянулся и проснулся.
Подавил зевоту,
Взялся за работу!

ФЕЛЬЕТОН

Не в мерине дело...

Петр Ильич Селин, как всегда, сгрузил киноаппаратуру, продал билеты и начал пускать зрителей в клуб. Внезапно появился председатель сельсовета Зубцов. Потеснив колхозниц, он закричал, подзывая кого-то с улицы:

— За мной!

Петр Ильич всполошился:

— Герасим Алексеевич, опять бесплатно?

— А что? — удивился Зубцов.

— Мне надо план выполнять.

— План? За счет председателя? Шалишь! Забыл, что я — власть!

— Власть понимать должна: дело мое — государственное, — упорно стоял на своем киномеханик.

— А мое — частное, что ли? — рассердился Зубцов. — Я должен тебя проконтролировать. Может быть, ты здесь какие-нибудь нарушения допускаешь.

— Контролируйте, — вздохнул Петр Ильич. — А зачем же посторонние с вами?

Зубцов изумленно посмотрел на строптивого киномеханика:

— Ты их считаешь посторонними? Собственную мою супругу? Ловок! Может быть, и мои дочки — посторонние? И брат, и племянник, и сват, и кума?

— Не пущу без билетов! Никого не пущу! — твердо сказал киномеханик.

— Ах, так! — прошипел Зубцов, побагровев. — Я тебе припомню это! Припомню!

— А я вас не боюсь, — усмехнулся киномеханик. — Жалуйтесь на меня, если я неправильно поступил.

Но Зубцов не слушал его. Уводя домой супругу, дочек, брата, свата, племянника и куму, он напряженно думал о происшедшем. Киномеханик осрамил его. Как бы ему отомстить? Запретить въезд на территорию сельсовета? Нельзя! Написать жалобу в Ливны, в районный отдел кинофикации? Но на что же можно пожаловаться? Никаких правил киномеханик не нарушил, разговаривал с председателем сельсовета вежливо. Твердо, но вежливо...

«Что, я должен забыть сегодняшний вечер? — сокрушался Зубцов. — Простить и забыть? Осрамил меня перед всеми, а я должен смириться? Нет, шалишь, я не таков!»

Долго еще председатель Здоровецкого сельсовета думал о мести. Не в его характере прощать обиды. Он должен отомстить киномеханику во что бы то ни стало! Через год, через пять лет, через четверть века — все равно должен отомстить!

А киномеханик давно забыл не только случай с Зубцовым, но и его фамилию. Мало ли что бывает. Другие киномеханики тоже не раз наскакивали на таких «покровителей» кино, как Зубцов. В деревне Парахино, например, председатель сельсовета Овсянников заставил «крутить картину» только для пяти человек. Председатель колхоза «Путь Ильича» Мальковский превзошел Зубцова: на каждый киносеанс бесплатно ведет в клуб членов правления и своих знакомых.

Словом, Петр Ильич не унывал. Попрежнему он ездил из села в село, полагая, что судьба его ничем не хуже судьбы любого киномеханика Орловской области.

Но однажды, занявшись, как обычно, подготовкой к очередному киносеансу, он вдруг заметил знакомое лицо Зубцова.

Увидев Петра Ильича, Зубцов заулыбался и вежливо спросил, желая подчеркнуть, что и здесь он, Зубцов, не последний человек в деревне:

— Наверное, я вам подводу предоставить обязан? Знаем, знаем! Есть об этом постановление правительства...

— Верно, — сказал Петр Ильич, обрадовавшись, что старая, неприятная для обоих история забыта. — А вы, извините, кем же здесь будете?

— Председателем колхоза избран, — с достоинством ответил Зубцов. — В Здоровце был в сельсовете, а здесь колхозными делами занимаюсь. Да вы не беспокойтесь, — торопливо добавил Зубцов, видя, что киномеханик побледнел, — я куплю билет. Куплю!

— Не в том дело, — дрогнувшим голосом сказал Петр Ильич. — Мне сегодня же надо попасть в Крутое. Вдруг у вас не окажется коня! Сорвется киносеанс...

Но Зубцов окончательно успокоил его:

— Я вам такого меринка дам, что вмиг до Крутого доскачете.

И в самом деле, не успел Петр Ильич после сеанса вынести на улицу свою аппаратуру, а меринок уже ждал его...

Покатилась тележка по скользкой проселочной дорожке. Ни ветер, ни дождь не могли испортить настроение Петру Ильичу, везшему в Крутое новую кинокартину. И радовало его то, что Зубцов совсем другим человеком стал. «Поди же ты, как вырос! Теперь, небось, корит себя за прошлое, — думал Петр Ильич, подпрыгивая вместе с тележкой на ухабах. — Сам ведь меринка предложил... Смотри ты, как резво бежит скотинка...»

— Лихого коня впрягли, — сказал он вознице, который, приподнявшись в тележке, с трудом удерживал меринка.

— Пока что телега его толкает, — отозвался возница, — с горы спускаемся...

— А потом? — спросил Петр Ильич.

— Потом будем под телегой ночевать.

— Что за глупая шутка! — рассердился киномеханик. — В Крутом сеанс сорвется. У меня план... И зрители ждут.

Но возница не слышал:

— Н-но-о, деревянный! Н-но-о!

Конь, однако, не двигался. Впереди смутно вырисовывались перила мостика. Дождь поливал киномеханика и возницу, как хорошая душевая установка; с горы, журча, стекали ручейки.

— Зубцов приказал аппаратуру под телегой держать, — угрюмо сказал возница, — поскольку добро государственное. А тебя велел не спускать с телеги. Но совесть не позволяет. Полезай-ка сюда!

— Что это значит? — охрипшим голосом спросил Петр Ильич. — Не может быть, чтобы мстил... говорил, что позаботится...

— Хороша забота! — флегматично произнес возница, укладываясь спать под телегой. — Этот меринок дальше мостика еще никогда не ходил. Дойдет до этого места и — ни тпру ни ну... Ложись-ка, голубчик, все равно до утра нечего делать.

Дождь щедро поливал телегу и неподвижного меринка, которому, казалось, было все равно, где стоять — на конюшне или в степи, возле старого мостика.

Киномеханик горестно раздумывал, прислушиваясь к шуму дождя: «Мерин, конечно, мерином, может быть, другой и довез бы до соседнего села на зло Зубцову, а вот отношение к нам, киномеханикам, в Орловской области, все равно никудышное. Будто бы и не дело делаешь, а баклуши бьешь. А уж если ты к тому же еще человек несговорчивый и не склонен поступиться государственной копейкой ради родных и присных местного начальства — то вот и сиди на дороге между двух сел! Хоть бы в Ливенском отделе или в Орловском управлении кинофикации раз в год ради праздничка обо мне и таких, как я, вспоминали! Да где уж там, они только отчеты читают — на местах не бывают и горя не знают»...

А дождь лил и лил, и вода струилась по дороге...

Д. ГОЛОВИН,
Ф. КРАВЧЕНКО

г. ЛИВНЫ

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Проблема художественного перевода

«Мне кажется, что литература всего легче и лучше знакомит народ с народом», — писал М. Горький.

Нерушимая и крепнущая с каждым годом великая дружба народов СССР находит свое отражение и в изданиях тысячными тиражами переводов произведений советских писателей на языках братских народов. Однако состояние переводческого дела продолжает резко отставать от роста литератур народов СССР.

В статье А. Маисурадзе «Писатель, его переводчики и редакторы», опубликованной 23 апреля в газете «Заря Востока» (орган ЦК Компартии Грузии), говорится о качестве переводов произведений грузинского писателя Лео Киачели — повестей «Тариэл Голуа», «Человек гор» и рассказа «Алмасгир Кибулан».

История опубликования двух вариантов перевода повести Л. Киачели «Человек гор» свидетельствует о различном отношении переводчиков и редакторов к своему делу. Повесть эта в переводе Э. Ананиашвили была издана на русском языке в 1949 году одновременно двумя издательствами: «Заря Востока» (Тбилиси) и «Советский писатель» (Москва). «К сожалению, переводчик Э. Ананиашвили отнесся к своей ответственной задаче несерьезно, небрежно, — пишет А. Маисурадзе. — Перевод его нужно признать не только крайне неровным и неряшливым, но и в значительной степени (особенно этим грешат заключительные главы) обедняющим авторский текст».

В статье приводятся примеры неправильного перевода — результаты неряшливости, торопливости, буквализма: «Туловище, ладно скроенное и добротно сшитое...», «Тулуп... обвязанный патронташем...», «Как я не узнал бы тебя, хотя бы по бороде? Прошлым летом, когда ты отпустил ее, она выросла, как на этом портрете».

Автор статьи разбирает и другой перевод повести.

«...Приступая к подготовке нового собрания избранных произведений Лео Киачели на русском языке («Повести и рассказы», 1951 г., редактор А. Деев), Гослитиздат (Москва), повидимому, учел недостатки предшествующих изданий. Все повести и рассказы Л. Киачели были переведены заново Е. Гогоберидзе. В результате совсем по-иному зазвучали теперь и повесть о Тариеле Голуа, и поэма об Алмасгире Кибулане. Бережно донесен до русского читателя замысел автора в повести «Человек гор».

Отмечая достоинства перевода Е. Гогоберидзе, А. Маисурадзе указывает на ряд погрешностей, допущенных переводчицей.

Переводчики должны по-настоящему овладевать искусством художественного перевода. «Как-то даже неловко напоминать о том, что переводчик должен хорошо знать язык, на который переводит книгу, — пишет А. Маисурадзе. — Непозволительно обеднять оригинал произведения, искажать авторский текст какими-либо своими домыслами, отступлениями от него, сокращениями или дополнениями. Само собою разумеется, что в свою очередь редактор обязан внимательно прочитывать и тщательно работать над рукописью, доверяемой ему издательством, а не только украшать своей фамилией титульный лист или последнюю страницу книги, судьба которой оказывается в его руках».

О художественном переводе с родственных языков говорится в статье В. Юревича «За творческий перевод», опубликованной 11 апреля в газете «Літаратура і мастацтва» (орган правления ССП Белоруссии).

В статье отмечается, что переводчик романа известного украинского писателя С. Тудора «День отца Сойки» Р. Няхай «донес основное идейное содержание произведения, сохранил его страстный публицистический язык, язык негодования и разоблачения. В речи действующих лиц удачно сохранен и колорит живого украинского языка.

Украинский и белорусский языки, которые образовались из одного — древнерусского, имеют очень много общего как в лексике, так и в стилистической конструкции предложений. И там, где Р. Няхай нашел эту общность, ему сопутствуют удачи.

...Однако он не всегда остается верным этому единственно правильному в переводческой работе творческому принципу. Особенно это заметно там, где проявляются особенности украинского языка, который, как и каждый язык, имеет свой собственный словарный состав и грамматический строй. При изучении некоторых непонятных в переводе мест приходишь к выводу, что переводчик больше заботится о том, чтобы сохранить лексику и грамматический строй украинского языка, а не о том, чтобы подчинить его законам того языка, на который переводится произведение, чтобы сохранить идейное и художественное богатство оригинала».

Автор статьи подробно и весьма доказательно разбирает эти ошибки переводчика.

Важный вопрос, связанный с проблемой высококачественного художественного перевода, поднят на страницах газеты «Советская Татария» 9 апреля. Авторы статьи «О русско-татарском словаре» Э. Ахунзянов и Л. Махмутова отмечают, что в плохом качестве переводов с русского языка на татарский «повинны в первую очередь сами переводчики. Но многое объясняется тем, что переводчики не имеют под руками полноценного русско-татарского словаря. Очень часто им приходится на свой страх и риск решать вопрос о том, как нужно переводить то или иное русское слово или выражение на татарский язык».

В статье указывается, что существующие русско-татарские словари не отвечают предъявляемым требованиям, что необходим словарь с полным словарным составом русского литературного языка, точно передающий значение слов и их оттенков. Необходима также подготовка кадров лексикографов и переводчиков, владеющих русским и татарским языками.

Отличный перевод художественных произведений — одна из действенных форм взаимообогащения культур социалистических наций. Газеты «Заря Востока», «Літаратура і мастацтва» и «Советская Татария» поднимают на своих страницах вопросы, актуальные для переводчиков с языков братских народов.

Бороться с браконьерством!

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

Вести упорную и настойчивую борьбу с браконьерами, нарушающими советские законы об охоте и рыбной ловле, беречь народное богатство — птицу, рыбу, зверя — об этом говорилось в письме в редакцию «Случай на реке Жиздре» (№ 107 за 1952 г.) и в фельетоне «Враги природы» («Литературная газета», № 2 за 1953 г.). Эти выступления вызвали многочисленные отклики читателей.

Читатели подтверждают правильность письма в редакцию и фельетона, своевременность постановки затронутых вопросов, вносят практические предложения об охране природы.

Лауреат Сталинской премии **В. Кельцев** пишет в редакцию: «Десятки тысяч птиц из Сибири, с Севера и центральных районов страны слетаются осенью на Каспий, и здесь их поджидает охотник-хапуга. В моряну — когда ветер с моря — птица становится совсем беззащитной: она ютится в узкой полосе прибрежных камышей. В такие дни тысячи крякв, чирков и гусей гибнут от выстрелов жадных охотников. Охота превращается в бойню!».

В. Кельцев считает, что надо запретить массовое истребление птиц на зимовках Каспия: это хищничество не имеет ничего общего со спортивной охотой.

Инженер-полковник **С. Моисеенко** пишет: «Большую и нужную тему подняла «Литературная газета», опубликовав фельетон «Враги природы» — о хапугах и хулиганах, еще имеющихся в честной семье наших охотников. Мне не раз приходилось сталкиваться с этой породой людей. С такими, казалось бы, и разговор короткий. Но ведь есть же много уважаемых, порядочных людей, вообще-то понимающих государственные интересы. А выедет такой товарищ на лоно природы побаловаться ружьишком, и пошла «потеха»: весной бьет селезня и утку, летом не прочь «подвалить» и зайца, в майские ночи гоняется на машине с фарой по среднеазиатским степям за джейраном, глушит рыбу в водоемах взрывчаткой.

Хапуги чувствуют себя привольно, даже когда выловят сотни пудов малька, — и это сходит с рук! Почему у нас такое попустительство браконьерам?».

Ветеринарный врач **В. Бырдин** из Клетни, Брянской области, сообщает, что в брянских лесах на зверя и птицу охотятся круглый год, не признают ни «сентябрей, ни октябрей», уничтожают ценных животных, охота на которых строго запрещена: бобра, выдру, лося, енота. «Мне известно, что сын одного председателя колхоза, — пишет В. Бырдин, — отвез в Москву и сбыл там 16 бобровых шкурок. О выдрах, куницах и енотах говорить не приходится».

О «массовых набегах» колхозных подростков на гнезда диких уток, гусей, лебедей, чибисов, кроншнепов пишет экономист **А. Потапов** (Усть-Таркский район, Новосибирской области). Каждую весну на реках, озерах и болотах Новосибирской области дети — иногда и взрослые — собирают тысячи яиц, разоряют гнезда. Результат — катастрофическое сокращение «поголовья» ценных птиц! Автор отмечает, что в Сибири до сих пор существует традиция — поджигать в мае — июне прошлогодний камыш на водоемах для того, чтоб «пуще росла новая трава». Камыши пылают именно в те недели, когда утки, гуси и лебеди высиживают птенцов; в огне гибнет множество птицы.

Группа охотников из Моздока сигнализирует о том, что браконьеры продолжают истребление фазана, хотя эта птица уже давно находится под запретом. На фазана «охотятся» даже весною, когда самки высиживают птенцов! В Тереке идет хищническое истребление форели и сазана: устраиваются запрещенные перегородки, запруды и т. д.

Наша страна — самая богатая в мире по числу малых и больших рек. Протяженность их исчисляется более чем в миллион триста тысяч километров. В малых реках живет множество ценнейших пород рыб, в них устремляются из морей на икромет лосось, семга, осетр, сельдь и другие. Вот почему так важно оберегать и в малых реках рыбу от хищнических способов добычи, охранять ее, заботиться о воспроизводстве.

Читатели, приславшие в ответ на выступления газеты письма в редакцию, с возмущением приводят многочисленные факты, свидетельствующие о слабом надзоре за водоемами, вследствие чего происходит хищническое уничтожение рыбы.

Председатель совета московского добровольного общества «Рыболов-спортсмен» **В. Горбанский** в своем письме сообщает, что заметка «Случай на реке Жиздре» была обсуждена на собрании рыболовов-спортсменов. «Мы считаем своевременным постановку вопроса о борьбе с браконьерством, — пишет тов. Горбанский. — Наши рыболовы-спортсмены почти повседневно встречаются с фактами беззастенчивого расхищения рыбных богатств... Отдельные лица вылавливают рыбу сетями, вершами, мелкоячейными неводами и бреднями, не щадя рыбной молоди. Особенно широкий размах браконьерство принимает в период нереста рыбы. В это время, помимо лова рыбы сетями и неводами, бьют рыбу острогой, из ружей; небольшие реки перегораживают заколами, глушат толом, травят известью».

Тов. Горбанский пишет также о том, что граничит с браконьерством, — об уничтожении рыбы нечистотами, спускаемыми в воду промышленными предприятиями. Из-за этого такие подмосковные реки, как Уча, Клязьма и другие, совсем обезрыбили.

Этому же вопросу посвятил свое письмо в редакцию **А. Шахов.** «Вопрос о прекращении варварского и систематического уничтожения рыбы приобретает государственное значение, — пишет он. — Река Томь считалась одной из самых рыбных рек Сибири, теперь же в Томи рыбы почти не осталось. Такое же явление наблюдается и на некоторых участках Чусовой, Камы, Белой».

В. Евдокимов (Вязники, Владимирской области) указывает, что местные «рыбаки» устраивают зимою искусственные «заморы» водоемов, перегораживают протоки. Осенью, когда малек спускается из озер по протокам в реку, начинается массовое истребление рыбной молоди. Вязниковский рыбзавод (директор тов. Тепляков) вместо борьбы с браконьерами поощряет их, принимая от хапуг незаконно выловленного малька, чтобы обеспечить выполнение плана!

Бороться с хищническим уничтожением рыбы призвана прежде всего инспекция Госрыбнадзора; она не обеспечивает должной охраны водоемов от браконьеров. Как свидетельствуют письма читателей, нередко сами инспекторы нарушают установленные правила.

Необходимо провести широкие общественные меры и пропаганду правил рыбоохраны среди населения. Следует выпустить брошюры и плакаты по борьбе с браконьерами. Такой плакат должен висеть в каждом сельсовете, в каждом правлении колхоза, поблизости которого протекает река или находится водоем.

Казалось бы, уж кто-кто, а Главное управление охотничьего хозяйства Министерства сельского хозяйства и заготовок РСФСР в первую очередь должно позаботиться о развитии и укреплении охотничьего хозяйства, об искоренении браконьерства. Однако, судя по всему, это учреждение да и главные управления других союзных республик и их органы на местах равнодушно взирают на «деятельность» врагов природы. В первые годы после войны управления создавали институт общественных инспекторов из активных, наиболее сознательных охотников. Инспекторы были облечены высокими полномочиями: проверять документы у охотников, составлять протоколы на браконьеров, отбирать оружие и т. д. Ныне институт общественных инспекторов захирел, не подает признаков жизни.

Борьба с браконьерством, с хищническим уничтожением народного добра — птицы, рыбы, зверя — дело большой государственной важности.

К. М. СТАНЮКОВИЧ

К 50-летию со дня смерти

Пятьдесят лет тому назад в Неаполе, вдали от родины, скончался Константин Михайлович Станюкович, автор замечательных произведений, посвященных морю, жизни моряков русского флота.

Тема моря и флота не пользовалась до Станюковича особым вниманием в нашей литературе. Страна, чьи морские рубежи тянутся на десятки тысяч километров, имеющая сильный и прославленный победами флот, страна, моряки которой совершили ряд замечательных кругосветных плаваний, обогатили своими открытиями и наблюдениями мировую науку, подарили миру новый огромный материк — Антарктиду, эта страна не имела писателей-маринистов.

Создать подлинно художественные произведения, открывающие читателю увлекательный мир морской службы, борьбы с грозной стихией моря, показать образы и характеры русских людей, посвятивших свою жизнь морю, выпало на долю Константина Михайловича Станюковича.

Он родился в 1843 году в Севастополе, в семье командира севастопольского военного порта. Детские впечатления будущего писателя были связаны с морем. Первыми няньками и воспитателями ребенка были вестовые и денщики отца, простые русские люди, крепостные рабы в матросских форменках, ежедневно унижаемые и оскорбляемые, но сохранившие и в этой невыносимой жизни чувство человеческого достоинства, благородство сердца, чистый и светлый разум. Именно от этих людей юный Станюкович впервые услышал правду о темной изнанке флотской жизни.

В доме отца постоянно бывали офицеры Черноморского флота, участники знаменитых походов и битв русского флота. Их рассказами также заслушивался мальчик.

Еще до окончания Морского корпуса отец отправил юношу в большое плавание на корвете «Калевала». Он побывал в Китае, Японии, Индо-Китае. Это трехлетнее путешествие обогатило его новыми яркими впечатлениями.

Станюкович начал тайком писать стихи еще в корпусе. Это были эпиграммы на корпусное начальство и порядки, и автору не раз грозило наказание за его литературные упражнения. Позже он попробовал писать более серьезные работы. Он послал в редакцию журнала «Морской сборник» статью «Мысли по поводу глуповцев г. Щедрина» и очерк «Жизнь в тропиках». Оба произведения были напечатаны. Так Станюкович стал писателем.

Выйдя в отставку, он вступил на трудный путь начинающего литератора, без средств, без связей в литературной среде и с неопределенными перспективами на будущее. Он напечатал в «Морском сборнике» еще несколько очерков, написанных на основе вынесенных из плавания впечатлений. Затем ему пришлось приняться за поденную литературную работу. Он писал театральные рецензии, статьи о пожарах, юмористические стихи, фельетоны, мелкие рассказы, а некоторое время учительствовал в деревне, не оставляя в то же время творческой работы. Ему удалось опубликовать в журнале сначала пьесу, а потом и первые свои романы, за которыми последовали многочисленные рассказы, очерки и публицистические фельетоны.

В 70—80-х годах писатель совершил две поездки за границу. По возвращении в Россию он был арестован, препровожден в тюрьму за сношения с русскими революционными эмигрантами в Париже и Швейцарии и через некоторое время отправлен в трехлетнюю ссылку в Томск.

Здесь и произошел решительный поворот в литературной судьбе Станюковича. Он обратился к той теме, которой было суждено стать главной темой его творчества и которой он посвятил последнее двадцатилетие своей жизни.

В 1886 году в журналах «Вестник Европы» и «Северный Вестник» появились рассказы Станюковича «Василий Иванович» и «Беглец». Эти рассказы сразу обратили на себя внимание читателей своей яркостью, свежестью материала, романтикой морской стихии, подлинным гуманизмом, горячей любовью к людям, серьезной психологической разработкой характеров. Внезапный и шумный успех рассказов принес писателю большую радость и поддержал в нем бодрость духа. Он словно пережил вторую молодость.

Воспитанный на освободительных идеях 60-х годов, Станюкович вложил в свои морские рассказы и повести ненависть к «темному царству» русского самодержавия, выступил как обличитель жестоких нравов, фельдфебельской муштры, зверских расправ с нижними чинами, против аракчеевской атмосферы, царившей во флоте.

В морских повестях и рассказах Станюковича перед читателями проходит целая галерея моряков военного флота. С особенной любовью и сочувствием выписаны в этих рассказах матросы. Можно сказать, что Станюкович так же открыл читателю русского матроса, как Тургенев в «Записках охотника» открыл русского крестьянина. Перед читателем предстали обаятельные образы простых русских людей.

С большой симпатией отмечает писатель в своих флотских героях черты самоотверженности и героизма, характерные для русского матроса и с особой силой проявившиеся во время Севастопольской обороны. В рассказе «Матросик» матрос Кушкин, за ласковость, мягкость характера и душевную доброту любовно прозванный товарищами уменьшительным прозвищем «Матросик», проявляет во время грозного шторма изумительный героизм, сознательно жертвует жизнью ради спасения погибающего клипера и его команды.

Глубоко человечный и трогательный образ матроса создан Станюковичем в рассказе «Максимка», послужившем в наше время основой для художественного фильма.

В произведениях Станюковича есть и образы офицеров. Последовательный демократ по убеждениям, он отдает все свои симпатии передовому офицерству, мыслящему, несущему в морскую службу новые, гуманные начала; он искренне ненавидит крепостников, белоручек, аристократических выродков.

Гневно клеймит писатель таких представителей аракчеевщины на флоте, как Василий Кузьмич Остолопов, специалист по вышибанию матросских зубов, о котором с восхищением и восторгом рассказывает его достойный выученик, зверь-боцман Щукин из рассказа «Своим судом». Щукин, полностью усвоивший педагогическую «науку» Остолопова, чистосердечно восхищается своим наставником: «Одно слово... лев был!.. Одному в ухо, другому, третьему, да как отчешет десятка два, будешь, голубчик, помнить... И рука ж была у него! Ка-а-а-к саданет,— в глазах пыль с огнем — и морду вздует...»

Обличение темных сторон русской действительности в творчестве Станюковича носит, однако, половинчатый, недостаточно последовательный характер. Но этот протест влиял на читателя, заставлял его задумываться над важными вопросами.

Писатель глубоко чувствовал стихию моря, был ее прекрасным художником. Описания морской природы в произведениях Станюковича созданы рукой большого мастера. Советские читатели любят его морские повести и рассказы, овеянные поэзией моря, труда, высоких человеческих чувств.

Огромное влияние оказал Станюкович на формирование советских писателей-маринистов, которые многому учились и учатся у этого замечательного писателя.

Советский народ бережно хранит живое наследие Константина Михайловича Станюковича, большого писателя-реалиста, честного демократа, обаятельного человека.

Борис ЛАВРЕНЕВ

Улица имени К. М. Станюковича

ВЛАДИВОСТОК. Выдающийся русский писатель К. М. Станюкович, как известно, посетил Владивосток — в то время небольшой военный пост. Часто бывал он на Линейной улице. Сейчас этой улице решением Владивостокского горисполкома присвоено имя писателя.

В краевой библиотеке имени А. М. Горького открылась выставка, посвященная жизни и творчеству К. М. Станюковича.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ОБСУЖДЕНИЯ

Более года назад в ознаменование 100-летия со дня смерти Н. В. Гоголя на Манежной площади в Ленинграде был заложен памятник великому писателю. Недавно в Ленинградском союзе художников состоялось обсуждение проекта памятника. Во вступительном слове автор — скульптор М. Г. Манизер рассказал о своей работе над монументом.

Многие из выступавших, отметив отдельные положительные стороны проекта, критиковали автора за неглубокое раскрытие важной и ответственной темы, справедливо упрекали в неверной трактовке образа писателя. Не таким смиренным и благодушным представляется нам писатель-сатирик, автор «Ревизора» и «Мертвых душ».

В ходе обсуждения был поднят очень важный вопрос: почему ответственная задача создания памятников выдающимся деятелям русской культуры часто решается без привлечения широкого круга авторов, без организации конкурсов?

Вопрос о конкурсах возник вполне закономерно и своевременно. О необходимости устраивать широкие конкурсы, привлекать к участию в них не только известных мастеров, но и молодежь, говорили скульпторы Г. Косов, Л. Холина и другие.

— В Москве, Ленинграде и других городах много хороших, талантливых скульпторов,— сказал скульптор А. Овсянников.— Любой из них с удовольствием принял бы участие в конкурсе на лучший памятник Гоголю для Ленинграда. К сожалению, такого конкурса не было. Нам неожиданно привезли готовый проект, который мы должны обсудить и одобрить. Проект нас во многом не удовлетворяет, а выбора нет.

Почему скульптор М. Г. Манизер, и без того перегруженный заказами, одновременно проектирует четыре памятника: Гоголю — в Ленинграде, Добролюбову и Репину — в Москве, Бажову — в Свердловске, а многие из его коллег вынуждены лишь обсуждать его проекты?

Распределяя среди скульпторов заказы на проекты памятников, не следует забывать что, кроме системы «персональных» заказов, существует еще и система конкурсов. Хорошая и правильная система!

Ю. ДАШЕВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД

В писательских организациях

★ **50-летие поэта А. Чуркина**—автора широко известных песен «Казачья», «Мой конь буланый», «Вечер на рейде», «Далеко-далеко» и других—отметила на днях литературная и музыкальная общественность Ленинграда. В Доме писателя имени В. В. Маяковского состоялся большой вечер. Юбиляра приветствовали представители Союза композиторов, отделения Союза писателей, театральной общественности и художественной самодеятельности Ленинграда.

★ **Третье областное совещание молодых писателей** состоялось во Владимире. Директор областного издательства Л. Мацкевич рассказал о работе с молодыми авторами, их первых книгах, о недостатках и удачах некоторых произведений, изданных во Владимире. Молодые писатели подвергли критике обком комсомола, который не проявляет внимания к литературной жизни области. Работой творческих семинаров руководили писатели Э. Казакевич, В. Полторацкий и В. Тушнова.

★ **Областное издательство Тувы** за девять лет — с того дня, когда Тува вошла в состав Советского Союза,—выпустило книги более трехсот названий. Трудящиеся араты получили возможность читать на родном языке многие произведения русских классиков и советских писателей. Только за один год изданы: «Мать» М. Горького, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Алитет уходит в горы» Т. Семушкина, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Павлик Морозов» С. Щипачева и другие книги.

Вышел из печати сборник рассказов и стихов С. Сарынг-оола «Советская Тува». В первом разделе помещены стихи, посвященные социалистическим преобразованиям в Туве, во втором—рассказы. «Первую книгу» стихов издал поэт С. Сюрюн-оол.

„КОГДА ЛОМАЮТСЯ КОПЬЯ"

Н. ГРОМОВ

Почти четверть века тому назад на сцене появилась первая пьеса Николая Погодина «Темп». Главное ее достоинство заключалось в том, что, приведя на сцену людей, выхваченных из самой гущи событий, совершавшихся в ту пору в стране, она показывала вместе с тем наиболее существенные процессы, изменяющие отношение человека к труду и взаимоотношения людей между собой, т. е. процессы, преобразующие общество, прокладывающие путь к победоносному утверждению нового.

И потом в лучших своих драматических произведениях Н. Погодин обнаруживал то же, важнейшее для художника качество: умение видеть в повседневных явлениях отражение исторически важных процессов, подмечать в рядовых характерах типические черты, находить для них яркое, образное выражение. Придя в драматургию из газеты, где он был очеркистом, горячо рассказывающим читателю о новых явлениях советской жизни, и фельетонистом, столь же горячо бичующим все, что мешает развитию нового, Н. Погодин соединил в своих пьесах оба эти качества. Сатирическое начало непременно присутствует в его драматических произведениях; новое и старое предстает перед зрителем в острых столкновениях, в напряженной борьбе.

У каждого писателя есть темы, наиболее для него важные, чаще других привлекающие к себе его внимание. Семья, прочность семейных отношений, разоблачение «моли», вьющейся вокруг семейного очага, сатирическое изображение людей, стремящихся без затраты труда и чувства — на готовеньком, за чужой счет — нагулять жирок, обеспечить себе покой и благополучие, — это темы, давно волнующие писателя и возникающие в его пьесах то основой сюжета, то одной из второстепенных его линий.

К этой теме возвратился Н. Погодин и в новой своей пьесе «Когда ломаются копья», поставленной в Малом театре режиссером Л. Волковым.

За что же «ломают копья», сталкиваясь друг с другом, герои этой пьесы?

Объектом борьбы является научная теория, рождающаяся в лаборатории молодого ученого Михаила Чебакова. Против этой теории восстают спекулянты от науки, лжеученые типа Шавина-Ковальского; этой теории сопротивляются и трудно расстающиеся с устоявшимися на протяжении долгой научной жизни взглядами настоящие, честные, но приостановившиеся в своем развитии люди науки, вроде академика Картавина; эту смелую, верную, выработанную в самотверженном новаторском труде теорию поддерживает самый уклад нашей советской жизни.

Таков повод борьбы в новой пьесе Н. Погодина — главный предмет, вокруг которого сталкиваются страсти, на котором ломают свои копья одни герои и торжествуют другие.

Однако, читая пьесу или смотря ее на сцене театра, легко убедиться, что на самом деле открытие Михаила Чебакова нужно автору, главным образом, лишь для того, чтобы индивидуализировать своих героев, ввести их в определенную общественную среду и конкретизировать таким образом задачи гораздо более общего порядка, нежели та узкоспециальная проблема, над решением которой трудится Михаил Чебаков.

Как явствует из разговоров действующих лиц, молодой микробиолог Чебаков работает над изучением вирусов, решая действительно существующую, и притом все еще спорную, проблему кристаллизации вирусов и возможности превращения их в микробы.

Но в данном случае большой круг иных, общих проблем — тут и борьба между новатором и рутинером, и преждевременное самоуспокоение одаренного человека, и стремление другого человека, фальшивого и бездарного, занять в жизни незаслуженно высокое положение, и, наконец, противопоставление настоящего чувства, связывающего двух любящих людей в семью, эгоистическому расчету женщины, рассматривающей брак лишь как выгодную сделку, которая может освободить от труда и забот,— именно этот круг, а не сущность «научной проблемы» занимает драматурга.

Образ академика Картавина — наибольшая удача и пьесы и спектакля Малого театра.

Спокойным и безмятежным предстает в первой сцене спектакля Картавин—Ильинский. Ничто как будто бы не предвещает ему жизненных неприятностей; непререкаем его научный авторитет, завоеванный долгими годами плодотворного труда; домашний уклад привычен и приятен; рядом (вероятно, с недавних пор) — молодая и красивая жена, в которую Картавин искренно и слепо влюблен; одним словом, все способствует тому состоянию довольства и покоя, которое вполне устраивает Картавина.

А между тем, на самом деле все в этой обстановке зыбко и обманчиво.

Непререкаемость авторитета? Но здесь Картавину изменило основное свойство ученого. Ведь такая непререкаемость достигается лишь постоянным трудом, неугасимым горением, непрекращающимися поисками. Домашний уклад? Но Картавин не замечает, что дочь его, Лида (арт. Е. Еланская), только из любви к нему остается в доме после появления молодой мачехи. Любовь жены? Но это любовь Виктории (арт. И. Ликсо) к его славе, к его обеспеченности, к его большой квартире, хорошей даче, машине. Нежность Виктории приторна, ласковость ее жестов рассчитана, личное счастье Картавина — мнимо.

Есть у И. Ильинского и И. Ликсо отличная сцена, раскрывающая призрачность картавинского семейного счастья: как бы убаюканный вкрадчивым голосом Виктории, Картавин протягивает к ней руки и— ловит воздух: Виктории уже нет рядом, она добилась согласия на то, что ей было нужно, и испарилась...

Исполнением роли Картавина И. Ильинский снова показал разносторонность своего большого актерского дарования. Это глубоко продуманная, умная и яркая работа.

Драматург и актеры в согласии и взаимопонимании равно умело пользуются оружием сатиры, разоблачая фальшь и унизительность отношений, воцарившихся в картавинской семье. Рядом с Викторией существует в пьесе и другой образ, показывающий подобную же натуру на более ранней ступени. Эта прижившаяся в доме дальняя родственница Виктории — Раиса Мартыновна, Раечка (арт. Т. Еремеева), лихорадочно ищущая «выгодного жениха»,— как бы олицетворение вчерашнего дня самой Виктории. Т. Еремеева рисует портрет Раечки крупными, резкими мазками, очень остро и беспощадно. Но подчеркнутая гротескность созданного ею образа несколько вырывается из общего стиля спектакля.

В ряду сатирических образов пьесы верен и точен также тип дельца от науки Шавина-Ковальского, всю жизнь эксплуатирующего на правах «старой дружбы» чужие знания и чужой труд. Благодаря бескорыстной помощи Картавина Шавин-Ковальский подготовил к печати четыре тома «своих» научных трудов, получил профессорское звание, возглавил научный институт.

Н. Комиссаров верно играет Шавина-Ковальского подчеркнуто респектабельным человеком, скрывающим за благородством внешности и интонацией, за усталой расслабленностью движений истинную свою внутреннюю суетливость, постоянное беспокойство перед подстерегающим его крахом всей карьеры, заискивающую вкрадчивость по отношению к сильным и влиятельным собеседникам и равнодушно-барственное пренебрежение к подчиненным.

В эту галерею сатирических портретов включен также проходимец Трюфелев (арт. К. Светлов) — откровенный, пожалуй, даже слишком откровенный, подхалим, карьерист, флюгер, поворачивающийся под любым ветром.

Пьеса населена разными людьми, разными характерами, причем далеко не все они — и в этом бесспорная удача драматурга — могут быть легко отнесены к числу положительных или отрицательных персонажей. Кто такой, например, Картавин? «Положительное» он лицо или «отрицательное»? Он — человек с многими, и притом весьма и весьма опасными, слабостями. Мы знакомимся с ним, когда он находится на самой грани: еще чуточку, еще маленький внешний толчок, которому он не окажет сопротивления,— и Картавин станет несомненным отрицательным типом. Но он у Погодина не только консервативен, но и честен; он склонен к покою, но еще не потерял способности искренно волноваться за судьбы науки; Картавин не верит теории новатора, потому что она расходится с его собственным многолетним научным опытом, но он готов слушать и изучать доказательства противника.

«...у меня хватит духу признать свое поражение во имя истины, возвышающей нашу науку, ибо это лучше, чем победить во имя лжи»,— этими словами Картавина заканчивается спектакль, и слова эти показывают, что возможное падение ученого не совершилось, что опасность преодолена им, что Картавин так и не вышел в «отрицательные персонажи», хотя и был уже весьма близок от этого.

Перелом совершился в пьесе, на сцене, на глазах у зрителя.

Две сцены, рисующие этот перелом,— сцена на даче, где академик поднимает бунт против домашних порядков, и сцена в лаборатории, где он, возражая Чебакову, все же задумывается над справедливостью своих научных убеждений,— лучшие сцены пьесы.

Далеко не прямолинеен и образ Григория Лобачева, директора института, в котором работает Чебаков. В пьесе он поначалу как бы ошеломлен смелостью опытов своего научного сотрудника. Он побаивается этой смелости. Вера в авторитетность и знания людей, возражающих Чебакову, почти ослепляет его, заставляет присоединиться к лагерю противников новатора. И все же внутренне он верит в правоту Чебакова и был бы рад поддержать его. Чувство нового, присущее Лобачеву, в конце концов одерживает верх над его сомнениями.

Так развивается этот образ в пьесе. К сожалению, хороший актер Ю. Аверин, играющий Лобачева, не вполне уловил внешне противоречивую, но внутренне правдивую и логическую линию развития своей роли. Не помогла ему и режиссура. Поэтому повороты в его поведении мало обоснованы и трудно объяснимы.

В роли Михаила Чебакова арт. Е. Матвеев стремится показать беспокойный, нервно-возбужденный, одержимый характер своего героя. Его Чебаков — человек незаурядный, пусть излишне неуживчивый, порою несдержанный, но несомненно талантливый. Хотелось бы видеть его более обаятельным. Но тут трудно возложить вину на одного лишь актера; драматург должен разделить с ним эту вину, ибо даже в домашней обстановке Чебаков произносит лишь речи о вирусе, он раздражен и запальчив даже в разговоре с женою и не излучает того тепла, которое могло бы обогреть близких ему людей на сцене и зрителей в зале театра.

Своеобразно задумана автором роль физика Вадима Брешко. Старый гость дома Картавиных, становящийся по ходу действия женихом дочери академика, Лиды, Брешко введен в пьесу, как персонаж, сталкивающий других героев и как бы выводящий на поверхность скрытые в них достоинства и пороки. Брешко — тип советского человека, которому до всего есть дело.

Однако при всем своеобразии интересного замысла драматург словно бы остановился на полпути к его осуществлению. Написан Брешко тусклее и мельче, чем задуман. И, играя эту роль, арт. В. Доронин также не затруднил себя поисками оригинальных, углубленных решений, удовольствовавшись красками, хотя и симпатичными, но уже виденными в прежних работах этого актера.

Некоторые «безусловно положительные» образы получились в пьесе схематическими, едва очерченными. К ним, к сожалению, принадлежит роль парторга института Чирской, роль жены Чебакова. Эти персонажи проходят в пьесе, как бледные тени; понятно, что и в спектакле они не смогли облечься в плоть и кровь.

В целом же пьеса «Когда ломаются копья» стала основой темпераментного, веселого, во многом поучительного спектакля. Его тепло и благодарно принимают зрители.

Первая повесть Гао Юй-бао

Л. ЭЙДЛИН

В прошлом году в газете «Женьминьжибао» и журнале «Цзефанцзюнь вэньи» начали печататься отдельные главы из первой повести молодого китайского писателя Гао Юй-бао.

Автор повести испытал на себе все несчастья, неотделимые от крестьянской судьбы в старом Китае. Он родился в 1926 году в описанной им в его книге деревне Суньцзятунь провинции Ляодун, на северовостоке Китая. Семья бедствовала, и мальчик с самого раннего детства почувствовал на себе гнет помещиков, кулаков, а затем и японских оккупантов. Не раз на глазах маленького Юй-бао помещичьи и японские прихвостни били его отца за неуплату многочисленных налогов. Юй-бао обнаружил способности к учению, но не было денег для того, чтобы послать его в школу. Местный учитель обратил внимание на одаренного мальчика и стал учить его бесплатно. Счастье продолжалось немногим больше месяца, и нарушил его все тот же ненавистный помещик Чжоу, один из персонажей повести Гао Юй-бао.

От деревенской нужды отец ушел на заработки в город Дальний и взял с собою мальчика. Там Юй-бао всего лишь семь дней проучился в школе, а затем стал работать.

В родную деревню Юй-бао вместе с отцом вернулся в 1943 году, после смерти матери и родственников в Дальнем. Пришли они такими же нищими, какими были несколько лет назад, когда покидали деревню. Прошло еще четыре тяжелых года, и жизнь Гао Юй-бао повернулась по-иному: девятнадцатого ноября 1947 года были освобождены его родные места, крестьяне, в том числе и семья Юй-бао, наделены землей, сам он стал бойцом Народно-освободительной армии, а в январе 1948 года на фронте вступил в коммунистическую партию.

В армии стал он учиться грамоте, в армии и возникла у него мысль написать о своей жизни, типичной для китайского крестьянина, получившего возможность с оружием в руках биться за победу народной революции и защищать ее завоевания.

Феодалы и империалисты в старом Китае душили и подавляли народные таланты: они боялись народа и старались держать его в невежестве. В свободном Китае культура получила небывалые возможности для своего развития.

С победой народной революции в Китае поднялось и новое, молодое поколение писателей—выходцев из самой гущи народа. Оказалось, что в Гао Юй-бао живет душа настоящего писателя: он писал урывками, в свободное от боев и работы время, писал днем и ночью. Писать было трудно, потому что, научившись читать, он еще не освоил как следует искусство письма, да и не все получалось на бумаге так понятно и ясно, как это было в мыслях.

Наступил период упорной и трудной учебы. В статье о себе Гао Юй-бао пишет, что в его сознании всегда горят ленинские слова — «учиться, учиться и учиться», что он помнит, сколько пришлось в жизни пережить ему, через сколько трудностей прошли его товарищи, думает о таких вечных памятниках человеческого мужества, как Великий поход,— и все это придает ему энергию. Коммунисты — начальники и товарищи по части — окружили заботой талантливого писателя из народа. «Это очень нужно,— сказал ему Чи Чжиюань, начальник отдела пропаганды части, в которой находился Гао Юй-бао, ознакомившись с его записями,— продолжай писать. Пусть тебе послужит примером Павел Корчагин». Гао Юй-бао прочитал «Как закалялась сталь», и Чи Чжи-юань написал на заглавной странице рукописи начинающего писателя: «Гао Юй-бао, я желаю тебе продолжать начатое и создать произведение, подобное роману «Как закалялась сталь».

Книга Гао Юй-бао состоит из отдельных глав — рассказов, которые могут жить самостоятельной жизнью, как и главы старинного народного китайского романа, хорошо известного автору с детских лет по пересказам уличных рассказчиков — «шошуди». Это книга о том, как в одной из китайских деревень рос крестьянский мальчик, наделенный чистой, мужественной душой, мальчик, обреченный на нищее и безрадостное существование, на жизнь в темноте, и о том, как из этого мальчика вырос один из многих миллионов борцов за идеи коммунистической партии, за народное счастье.

С большим писательским тактом передает Гао Юй-бао восприятие внешнего мира мальчиком. Этот мальчик — настоящий боец и в то же время ребенок: доверчивый, наивный и нежный. Он спасает мать от озверелых японских солдат, бросает в лицо помещику Чжоу слова гневного упрека и презрения, уговаривает батраков разделаться с помещиком. В мальчике бьет ключом большая сила неистребимой, неумирающей жизни. Японские оккупанты вместе с китайскими помещиками обрекли на гибель близких ему людей, обрекли его на страдания, но им не остановить вечную жизнь народа. Все это не способен еще выразить, но уже по-своему понимает маленький Юй-бао. Читая повесть Гао Юй-бао, мы видим, мы ощущаем неизбежность победы, ибо в герое книги сосредоточены те черты китайского народа, которые помогли ему сбросить со своих плеч иго феодалов и империалистов.

«Плач в деревне Суньцзятунь», «Два гроба», «Ночной петух», «Я хочу учиться» — главы, относящиеся ко времени жизни мальчика Юй-бао в деревне. Потом Юй-бао пришел в город Дальний и в поисках заработка поступил на завод. Об этом он пишет в главе «На фаянсовом заводе».

Рассказывая об этом заводе на оккупированной японскими империалистами территории, Гао Юй-бао образно показал дружеские отношения в рабочей среде, основанные на классовой солидарности. Благодаря людям, подобным коммунисту дядюшке Лю, формируется классовое сознание мальчика, пришедшего в ряды рабочих. Заводские подростки называют Лю Чан-дэ «добрый дядюшка Лю». Ласковая рука «доброго дядюшки Лю» не раз служит опорой Юй-бао в незнакомом еще ему мире.

Облик коммуниста Лю раскрывается по мере развития отношений между ним и Юй-бао; мы узнаем его как бы через Юй-бао — и в действиях мальчика, растущего под влиянием Лю, и в словах мальчика о нем.

В общении с дядюшкой Лю выявляется характер Юй-бао — его нежелание мириться с несправедливостью, и гордость, и в то же время широта натуры, не позволяющая ему думать только о себе,— все то, что заставило дядюшку Лю выбрать именно его для ответственного поручения во время организации забастовки. У дядюшки Лю получает Юй-бао и первый урок политграмоты. Юй-бао становится сознательным участником революционной борьбы. До этого же в мальчике жил стихийный протест против несправедливости, еще тогда побуждавший его смелую, страстную натуру к активным действиям.

Атмосферой сочувствия, дружбы, взаимной помощи людей из народа наполнена эта книга. Потому-то и растет Юй-бао таким настоящим человеком, что ему есть у кого учиться.

С большой силой показывает Гао Юй-бао всю глубину морального падения японских прихвостней, притесняющих крестьян, рисуя картины страшного феодального гнета, царившего в китайской деревне. Помещик Чжоу заслужил кличку живодера, но не лучше его и Красноглазый Ван, грабящий крестьян с видом благодетеля, с елейными словами утешения.

Сдержанная, энергичная фраза Гао Юй-бао, ровный повествовательный тон книги еще сильнее подчеркивают трагизм крестьянской жизни, тяжесть существования под двойным гнетом — японских оккупантов и китайских помещиков-феодалов. «На восточной стороне деревни Суньцзятунь выносили тело убитого японскими дьяволами деда Юй-бао, а на западной — тело изнасилованной и убитой дьяволами Лю. С каждым днем все больше рыданий слышалось в деревне Суньцзятунь». Так кончается глава «Плач в деревне Суньцзятунь». Однако нет безнадежности в книге. Ужасы того, что творилось, не заслоняют общего оптимистического звучания книги. Оно идет от глубоко и правильно понятого художником и выраженного им в образах соотношения сил, борющихся в китайской революции. А это позволило автору увидеть проходящую через всю книгу и определяющую характер повествования **непримиримость** народа к его врагам, как главную его типическую особенность. Прежде всего такой чертой отличается герой книги Гао Юй-бао, в котором мы видим средоточие черт характера, типических для народа.

Великому духу непримиримости учится Юй-бао у деда. «Куда годится старый человек?» — говорит дряхлый старик. «Было бы мне лет двадцать-тридцать, я повоевал бы с японскими дьяволами!» Когда Гао Сюе-дэ, дядя Юй-бао, хочет уйти в партизаны, старик напутствует его: «Иди, иди... будешь партизаном, бей и за меня, бей изо всех сил!.. Иначе жизни не будет!». «Я тоже хочу бить дьяволов», — говорит Юй-бао и просит дядю взять его с собой в партизанский отряд.

Непокоренные, в самые тяжелые минуты не теряющие человеческого достоинства люди встают со страниц книги. Просто, без всяких ухищрений рассказано об их горестях, об обильных слезах, пролитых ими, и тем яснее, тем заметнее та большая внутренняя сила народа, которая делает его несгибаемым. Где покорность, которой якобы «славился» китайский крестьянин? Гао Юй-бао художественными средствами показал, что это лишь тонкая корка застывшей лавы, под которой бушует огонь. Немного найдем мы произведений, в которых непокоренность китайского народа, воплощенная в образе простого рядового крестьянина, выступала бы так ярко, так выпукло, как в этой повести.

Гао Юй-бао превосходно владеет народным языком. Он любит посмеяться веселым смехом, так присущим народу, показывая, как козни помещика, благодаря народной сметке, оборачиваются против него самого. В этом смысле замечательна, например, глава «Ночной петух», в которой Гао Юй-бао рассказывает, как батраки проучили помещика Чжоу Живодера, по ночам пробиравшегося в курятник и кричавшего петухом для того, чтобы батраки начинали рабочий день на несколько часов раньше.

Особое обаяние повести создает простота стиля, кажущаяся бескрасочность, которая иной раз оказывается действеннее самых ярких красок. В половодье пришла вода и «скрыла от глаз даже те посевы, которые поднялись в половину человеческого роста; когда вода спала, мать и сыновья пошли на поле и увидели, что посевы исчезли, уплыли с водой. Мама опустилась на землю и заплакала в голос». Эта простота подчас переходит в афористичность, столь характерную для народной речи: «...не засеяли, значит, и есть нечего», «вот уж правда, чем беднее человек, тем больше несчастий у него...» Тяжкой нуждой трудового народа рождены эти афоризмы, пришедшие в книгу Гао Юй-бао непосредственно из жизни или созданные самим писателем на основе его наблюдений. «Богатому год прожить, — бедному через гору перевалить», или: «Работать у богача не то, что у себя дома» — сколько таких образных определений разбросано в этой книге!

Гао Юй-бао в одной из статей о себе рассказывает, какое неизгладимое впечатление на него произвели прочитанные им в иллюстрированной книжке о вожде китайского народа слова юного Мао Цзэ-дуна о том, что в старинных повестях фигурируют все чиновники да вельможи, а надо бы писать о народе. Гао Юй-бао создал правдивую, талантливую книгу о человеке из народа, о крестьянском мальчике, в образе которого соединено множество судеб, подобных его судьбе.

Пока опубликованы лишь главы, относящиеся к детству Гао Юй-бао, но и они дают возможность говорить о появлении нового самобытного таланта, о возникновении художественного произведения, являющегося достижением на пути китайской литературы к овладению методом социалистического реализма.

Как Олленхауэр выручил Аденауэра

В течение почти двух месяцев в боннских парламентских инстанциях происходила ожесточенная борьба вокруг ратификации боннского и парижского военных договоров. Парламентская машина Бонна работала все это время с большим скрипом. Реакционные политики, члены обеих палат парламента — бундестага и бундесрата — в подавляющем своем большинстве старые слуги германского империализма, весьма искушенные во всех тонкостях парламентских козней и интриг,— сплошь и рядом оказывались припертыми к стене. Под влиянием растущего сопротивления масс они несколько раз вынуждены были нарушать сроки, установленные хозяевами Бонна, и откладывать ратификацию военных договоров.

Ныне внимание мировой печати приковано к событиям, происходившим на днях в бундесрате (верхней палате боннского парламента). Здесь боннские политиканы разыграли очередной парламентский спектакль: 15 мая бундесрат вопреки собственному решению, принятому за три недели до этого, признал себя «некомпетентным» ратифицировать политические соглашения, составляющие основу договоров, и утвердил два дополнительных законопроекта, касающихся финансовых и таможенных статей этих договоров. Тем самым весь комплекс милитаристских соглашений, подписанных в Бонне и Париже, считается утвержденным боннским парламентом.

Этот новый предательский акт стал возможным благодаря закулисному сговору канцлера Аденауэра с главарем немецких правых социалистов Олленхауэром. В бундесрате заседают представители земель, входящих в боннскую республику. При этом следует иметь в виду, что согласно западногерманской конституции все члены бундесрата от данной земли должны голосовать так, как решило правительство этой земли. Из 38 членов бундесрата лишь 18 представляют земли, в которых правительственное большинство принадлежит христианским демократам (Северный Рейн — Вестфалия, Шлезвиг — Гольштиния, Рейнланд — Пфальц, Бавария). Остальные 20 голосов членов бундесрата распределяются так: 15 голосов падают на земли, где управляют социал-демократические правительства (Гессен, Гамбург, Бремен, Нижняя Саксония) и 5 — на землю Баден — Вюртемберг, где существует коалиционное правительство, в котором социал-демократы имеют, однако, абсолютное большинство. Таким образом, социал-демократы фактически обладают в бундесрате большинством голосов (20 из 38).

Напомним, что в бундестаге социал-демократы голосовали против ратификации боннского и парижского договоров. Причем там их позиция, позиция меньшинства, не имела решающего значения. Казалось бы, соотношение сил в верхней палате, давало социал-демократам возможность нанести поражение правительству. Однако 15 мая большинство голосов было подано за указанные выше решения, означающие фактическую ратификацию военных договоров. Премьер-министр земли Баден—Вюртемберг Майер (являющийся одновременно председателем бундесрата) «отдал» голоса всех представителей этой земли за ратификацию договоров. А что же сделали социал-демократы? Вместо решительных действий против этого незаконного акта они просто... не явились на заседание бундесрата. Немецкое агентство АДН справедливо указывало в связи с этим: «Тем самым правые лидеры СДПГ по непосредственному указанию председателя своей партии Олленхауэра в этом решающем вопросе совершенно открыто устранили для Аденауэра все препятствия, еще стоявшие на пути принятия парламентом военных договоров. Этим они совершили новое чудовищное предательство дела мира и интересов немецкого народа».

Итак, положение ясно: тактика правых социалистов окончательно разоблачена в глазах общественного мнения. Но цинизм социал-демократических лидеров поистине не знает границ. Тот же самый Олленхауэр, по указанию которого был совершен предательский акт в бундесрате, теперь громче всех кричит: «Нас предали!». В выступлении в Дортмунде он буквально заявил, что решение бундесрата является следствием того, что для ратификации договоров был использован «самый предательский государственный нажим»!

Перед лицом всего этого лицемерия в недоумении разводят руками даже видавшие виды буржуазные журналисты. «То, что произошло в пятницу в боннском бундесрате, — пишет, например, швейцарская реакционная газета «Националь-цейтунг»,— было плохо разыгранной трагикомедией сомнительного качества».

Реакционная печать не замедлила напомнить в связи с решением бундесрата о ведущей роли Бонна в деле осуществления планов пресловутого «объединения Европы».

Центром этой «объединенной Европы», по замыслам ее организаторов, и должна служить ремилитаризованная Западная Германия с ее возрожденным вермахтом. Боннский и парижский договоры направлены как раз в первую очередь на закрепление раскола Германии и превращение Западной Германии в милитаристское государство, в котором управляли бы старые реваншистские элементы.

...Маневры Аденауэра, трусливое предательство Олленхауэра, маневры Майера (дважды менявшего позицию на протяжении последних трех недель) — все это следствие сопротивления масс политике боннской клики. Это сопротивление растет и будет расти, опрокидывая расчеты западногерманских реваншистов.

Д. АЛЕКСАНДРОВ

Бонн. Западногерманские полицейские зверски расправляются с участником демонстрации протеста против ратификации бундестагом боннского и парижского военных договоров.

«Батальные сцены» у здания западногерманского парламента в Бонне: полицейские Аденауэра с помощью мощных брандспойтов разгоняют манифестантов, пришедших сюда, чтобы протестовать против ратификации боннского и парижского военных договоров

Вокруг конгресса в Манчестере

«Переговоры, а не война», — гласил один из лозунгов, украсивших зал в Манчестере, где 17 мая происходил Всеанглийский конгресс действий в защиту мира.

В работе конгресса участвовало более тысячи делегатов из всех районов Англии. Эти делегаты представляли свыше 700 различных общественных организаций — профсоюзы, местные комитеты защиты мира, местные организации лейбористской и кооперативной партий, религиозные, женские и молодежные организации. В конгрессе приняли участие также промышленники, фермеры, домохозяйки.

Декларация, единодушно принятая конгрессом, призывает «всех англичан, независимо от их политических и религиозных убеждений, упорно добиваться немедленного прекращения войны в Корее и проведения мирных переговоров, ведя борьбу в этом направлении всеми возможными способами — в профсоюзах и кооперативных организациях, в политических партиях, в церквах, на заводах, в учреждениях, в шахтах, городах и деревнях — с тем, чтобы правительство и все руководители Англии знали, что такова воля народа и что каждое искреннее их действие в борьбе за мир пользуется поддержкой народа».

Конгресс в Манчестере принял еще ряд резолюций, намечающих практические пути развертывания активной борьбы за мир. Избран новый Генеральный совет Английского комитета в защиту мира в составе 71 человека.

Мы помещаем сегодня статью английского прогрессивного журналиста Филиппа Болсовера, написанную для «Литературной газеты» накануне открытия Всеанглийского конгресса действий в защиту мира.

Конгресс действий в защиту мира в Манчестере явится, вне всякого сомнения, важнейшей вехой в борьбе английского народа за мир.

Конгресс созван в чрезвычайно благоприятный момент. В широких рабочих массах Англии, в прогрессивных организациях продолжают оживленно обсуждать недавнюю статью в «Правде» по поводу выступления президента Эйзенхауэра, одобряют практические шаги, предпринятые Советским Союзом для обеспечения мира. Надежды на мир возросли и благодаря новым китайско-корейским предложениям в Паньмыньчжоне в ходе переговоров о перемирии в Корее.

Интерес к этим переговорам чрезвычайно усилился в связи с возвращением на родину английских военнопленных, встреченных с огромной радостью. Их возвращение оказало, несомненно, серьезное воздействие на политическую атмосферу в Англии.

Буржуазные газеты не посмели полностью обойти молчанием заявления вернувшихся солдат о том, что в лагерях для военнопленных с ними хорошо обращались. Не посмела пресса игнорировать также требования участников корейской войны о немедленном прекращении военных действий.

Таким образом, обстановка, создавшаяся в дни созыва Конгресса действий в защиту мира, вселяет в нас большие надежды. Среди делегатов конгресса — представители профсоюзов—угольщики, железнодорожники и другие, политических партий — особенно большое число лейбористов, работники свободных профессий, представители ряда религиозных, женских и многих других организаций.

Уильям Пейнтер, председатель южноуэльской федерации горняков, выступил на ежегодной конференции этой федерации с требованием о созыве совещания пяти великих держав и о заключении перемирия в Корее; 12 мая участники конференции приняли соответствующую резолюцию. Аналогичные требования выдвинул 11 мая на ежегодной конференции профсоюза электриков его председатель Фрэнк Фоукс.

С обращением к профсоюзам — поддержать Конгресс действий в защиту мира обратились в начале текущего месяца Джеймс Фиггинс, до недавнего времени состоявший генеральным секретарем Национального союза железнодорожников, А. Макдуголл, председатель Объединенного профсоюза литейщиков, Перси Белчер, генеральный секретарь профсоюза табачников, и Джон Бэрнс, председатель профсоюза пожарников. Ссылаясь на многочисленные резолюции различных профсоюзов, в которых высказывались требования о всеобщем сокращении вооружений и созыве совещания пяти держав, эти профсоюзные деятели пишут в своем обращении: «Мы должны действовать и добиться, чтобы резолюции, которые мы поддерживаем, были претворены в жизнь. Мы должны развернуть небывалое по своей мощности движение за мир, объединив рабочих всех отраслей промышленности, людей всех убеждений и верований. Мы должны собраться вместе и обсудить, какие совместные действия мы можем предпринять сейчас, дабы обеспечить прекращение войны в Корее, прочный мир в Азии и в Европе и добиться того, чтобы впредь все международные споры разрешались путем переговоров, а не при помощи силы».

Какой отклик находит все это у простых людей Англии?

Приведу несколько характерных примеров.

Миссис Кэтрин Ейтс — делегат конгресса от женской организации Вулвича (Лондон). Это домашняя хозяйка, уроженка Ланкашира, которая с 12 лет работала на текстильных фабриках. Она вышла замуж после первой мировой войны, и муж ее в течение десяти лет оставался безработным. «Женщины резко настроены против войны,—говорит миссис Ейтс,—и это чувство у них крепнет. В конце концов, кто, как не женщины, больше всего страдают от войны? Уже сейчас именно на них ложится главной тяжестью непрерывно растущая дороговизна!»

Стэнли Нунан — рабочий молочного предприятия в Нортхолте (Миддлсекс). Нунан послан своими товарищами на конгресс представлять 600 рабочих молочной промышленности. В годы второй мировой войны Стэнли Нунан был военным летчиком. Теперь он активный борец за мир.

Нунан подчеркивает, что создание американской военной базы в районе, где он живет, привело к тому, что люди острее осознали опасность войны. «У меня такое чувство,— говорит он в заключение,— что я все еще недостаточно делаю, чтобы помочь людям понять всю необходимость борьбы за мир. Впрочем, мы верим в свои силы, и нас ничто не остановит».

Женщины Ланкашира, у которых имеются близкие родственники в английских частях в Корее, организовали сбор подписей под воззванием о безотлагательном возвращении английских войск на родину. «Мы считаем необходимым немедленно положить конец войне в Корее и возвратить домой наших солдат»,— говорится в этом воззвании. Эта женская организация послала на конгресс двух делегаток.

А вот что говорит домашняя хозяйка миссис Урсула Нокс, жена преподавателя Даремского университета. Выражая мысли многих тысяч домашних хозяек Англии, она заявила: «До прошлого года я считала, что дело женщины — лишь заботиться о семейном счастье в стенах своего дома. Но теперь я поняла, как велика опасность войны и как она подрывает наш жизненный уровень. Я поняла, что от матерей зависит очень многое в борьбе за мир и счастье наших семей».

Еще один делегат конгресса — мисс Эдит Парджитер, известная писательница, автор нескольких романов. Во время второй мировой войны она была награждена медалью Британской империи. «В наши дни, когда происходят новые и знаменательные сдвиги в отношениях между западными и восточными странами,— говорит мисс Парджитер, — чрезвычайно важно, чтобы стремление всех простых людей к миру стало единым, чтобы их голоса слились в один мощный голос, который было бы невозможно заглушить, который никакое правительство не осмелилось бы оставить без внимания».

В этих высказываниях выражены чувства и мысли миллионов людей Англии, требующих мира для себя, для своих детей и для всего человечества.

Филипп БОЛСОВЕР

ЛОНДОН

По страницам печати

«Вэньхуэйбао» — Китай; «Трибуна работнича» — Польша; «Мунка» — Румыния; «Работническо дело» — Болгария.

НОВЫЙ ГОРОД ПОД ТЯНЬШАНЕМ

Юго-западнее старого синьцзянского города Атуша, снесенного в 1944 году ледяной лавиной, на краю пустыни Гоби ныне вырос новый одноименный город.

«Еще два года тому назад,—пишет газета **«Вэньхуэйбао»,— район нового Атуша, находящийся у подножия южных отрогов Тяньшаньских гор, примерно в 50 километрах севернее Кашгара, в юго-западной части провинции Синьцзян, был необитаемым пустырем. Теперь здесь возвышается уже свыше трехсот городских строений, идет строительство сотен новых объектов. Широкие улицы нового города обрамлены молодыми ивами и тополями. Город связан телефоном и телеграфом с Кашгаром и столицей провинции — городом Дихуа (Урумчи)».**

Народное правительство, осуществляя неустанную заботу о благе народа, об экономическом развитии всех районов страны, в течение двух лет воздвигло в пустыне новый современный город. Все новые и новые районы обширной и богатой природными ископаемыми провинции Синьцзян ныне пробуждаются к активному экономическому строительству.

МОЛОДЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ ПОЛЬШИ

29.300 выпускников технических, экономических, сельскохозяйственных вузов Польши приступили в этом году к работе в народном хозяйстве страны. Газета **«Трибуна работнича»** напоминает в связи с этим:

«Характерным является тот факт, что в период господства буржуазно-помещичьей власти, в 1937 году, например, дипломы об окончании высших учебных заведений, в том числе и заграничных, получили всего 6 114 человек. В связи с застоем в хозяйственной жизни страны, вызванным антинародной политикой реакционных правительств, большинство даже из этого ничтожного числа молодых специалистов было обречено на безработицу или работало не по своей специальности».

Молодых специалистов новой Польши встретила растущая промышленность страны. 120 инженеров подготовила Краковская горно-металлургическая академия. Молодые специалисты пришли на крупнейшие комбинаты страны — имени Костюшко, «Покуй» и другие. Большинство из них — дети рабочих и крестьян. Газета называет, в частности, имя выпускника академии Юзефа Матыясека. Это **«сын горняка шахты имени Сталина, бывший формовщик из Сосновцы. За выдающиеся результаты, достигнутые в трудовом соревновании, он был направлен на учебу сначала в техникум передовиков производства в Бытоме, а затем в горно-металлургическую академию».**

Большое пополнение специалистов получило в этом году и сельское хозяйство.

«Самое молодое учебное заведение Вроцлава — Высшую сельскохозяйственную школу,— сообщает газета,— **окончило в этом году свыше 400 студентов. Все молодые агрономы приступили к работе в государственных хозяйствах и производственных сельскохозяйственных кооперативах».**

ЗАВОД НОВАТОРОВ

На дорогах Румынии весной этого года появились первые грузовики с маркой отечественного предприятия.

«Коллектив завода имени 23 августа,— пишет газета **«Мунка»,— вышел в прошлом году на первомайскую демонстрацию с первым румынским гусеничным трактором мощностью в 120 лошадиных сил. На тракторе было написано: «Задание партии и правительства—выполнено!» В этом году завод рапортовал о выполнении нового задания, имеющего большое значение для экономики страны,— о выпуске первых румынских грузовых автомашин».**

Коллектив завода имени 23 августа— это коллектив новаторов. Он первым в стране освоил производство шахтных локомотивов, оборудования для цементных заводов, мощных гусеничных тракторов, подъемных кранов и других изделий, ранее ввозившихся из-за границы. А теперь он производит и грузовые автомобили, отправляющиеся на стройки социализма в Румынии.

БОЛГАРСКИЙ ХЛОПОК

Хочешь ли пышных караваев,
Хочешь ли чирпанского вина,
Хочешь ли белоснежные рукава —
Приходи в Меричлери...

Так поют о родном селе болгарские девушки.

Народное государство, сообщает газета **«Работническо дело»,** обратило все богатства меричлерской земли на благо человека. Новую жизнь стали строить крестьяне этого села. Уже в 1945 году они организовали трудовое кооперативное хозяйство и занялись выращиванием хлопка.

«Меричлерцы,— пишет газета,— **начав с трех тысяч декаров *, в прошлом году засеяли хлопком восемь тысяч, а в этом году — около девяти тысяч декаров. Используя богатый опыт советских колхозников, они применяют мичуринскую агротехнику, все больше механизируют труд».**

Вдохновенный труд на полях принес достаток в дома крестьян, преобразил облик села. Газета сообщает, что в Меричлери появилось много новых строений, в том числе родильный дом, детский сад, новые жилища, общественная хлебопекарня. По почину меричлерских кооператоров в этом году развернулось по всей Болгарии соревнование хлопководов за дальнейшее повышение урожая хлопка.

* Декар — 0,1 гектара.

Попытка замолчать творчество Хикмета

Горячая любовь и признание, которыми пользуется у всех честных людей мира поэзия Назыма Хикмета, не дают покоя турецким реакционерам. Запретив упоминать имя выдающегося поэта на его родине, они пытаются и за пределами Турции вести борьбу с гневным и правдивым словом писателя-патриота.

Недавно в Париже при содействии Главного управления турецкой прессы была выпущена «Антология современных турецких поэтов». Составители антологии не включили в нее ни одной строки из Назыма Хикмета.

Эта постыдная фальсификация вызвала негодование широких кругов французской общественности. Поэт Тристан Тзара пишет в газете «Леттр франсез»: «Турецкая поэзия без Назыма Хикмета?! Попробуйте рассказать об этом школьнику в Анатолии, бродячему торговцу из Галаты, крестьянину из-под Кайсери, ученому из Анкары! И в Париже нашлось издательство, прикрывшее своим именем проделку фальсификаторов!..»

Газета публикует также письмо, полученное ею из Турции, автор которого, протестуя против фальсификации, говорит от имени миллионов соотечественников поэта: «В течение более чем двадцати лет Назым Хикмет был исключен из числа живых людей. Неоднократно бросаемый в тюрьмы, он лишь временами мог жить как человек, а не как заключенный. И, тем не менее, им созданы произведения, которые представляют собой самое яркое и самое определяющее явление в современной турецкой поэзии: впервые турецкий поэт говорит для своего народа голосом, который слышен во всем мире».

Фальсификаторы не добились своей цели. Их смехотворная попытка «замолчать» творчество Назыма Хикмета окончилась полным провалом и явилась всего лишь еще одним свидетельством того, как страшна турецким реакционерам обличающая сила стихов поэта-патриота.

Ян СКАЛКА,
словацкий писатель

Черты новой жизни

Край удивительно красивых пейзажей и ужасающей нищеты — такой была старая Словакия, отсталая аграрная область в буржуазной Чехословакии. Иностранные и чешские капиталисты видели в этом крае источник обогащения, резервуар почти даровой рабочей силы.

Теперь свободная Словакия переживает бурную весну возрождения. Благодаря огромной помощи Советского Союза всему народному хозяйству Чехословацкой республики и братской помощи чешского народа в некогда отсталой Словакии осуществляется широкая индустриализация. Об ее успехах свидетельствует прирост продукции промышленности. Только за прошлый год он был равен всей довоенной промышленной продукции Словакии. А в этом году — последнем году первой чехословацкой пятилетки — промышленное производство Словакии более чем в пять раз превысит уровень 1937 года.

В публикуемом сегодня очерке словацкий писатель Ян Скалка рассказывает о чертах новой жизни в отдаленном словацком районе.

Года два тому назад, не больше, во время процесса изменника епископа Павла Гойдича* я познакомился в Прешове с Михалом Кость и подружился с ним. Он просил меня побывать в его родном селе Колбасово. Я обещал навестить его, но свое обещание исполнил только в этом году.

Михал Кость — лесоруб. После освобождения Словакии Советской Армией он собственноручно построил себе деревянную хату. Село Колбасово раскинулось в долине между гор, поросших хвойными лесами. Леса эти когда-то принадлежали епископу Гойдичу.

— С незапамятных времен здесь жили наши отцы, — рассказывает Михал Кость. — Они арендовали у епископа клочки полей под горой и весь год копили грош к грошику, чтобы пешком отправиться потом в Прешов и уплатить Гойдичу арендную плату. Тяжелые это были времена, но они ушли, словно унесли их весенние воды. Теперь леса, луга и поля — наши. Мы создали пастбищный кооператив и сообща ведем хозяйство, работаем на себя.

* Процесс трех католических епископов, в числе которых был Гойдич, состоялся в январе 1951 года в Братиславе. Гойдич был злобным врагом народной Чехословакии.

Попивая горячий кофе с черным душистым хлебом, я осматривал комнату. В углу стоит печь, на подоконниках цветет мушкат, на стенах — картины, портреты И. В. Сталина и Клемента Готвальда. Под ними — большой плакат с эмблемой чехословацкой пятилетки. Зоркая хозяйка приметила, что я обратил внимание на убранство комнаты, и пояснила:

— Эти портреты нам прислал сын Юро. Он работает на кладненском заводе имени Конева. Вот и кровать и стулья он привез. Слава богу, ему живется там хорошо.

Михал Кость собирался в город Снин, у него там было неотложное дело. Я решил поехать с ним.

Поднялись в гору деревней. По сторонам — новые дома. Михал Кость рассказал, что гитлеровцы, отступая, подожгли Колбасово. Жители прятались в горах. С распростертыми объятиями встречали они советских воинов, приступом взявших село и быстро продвигавшихся долиной реки Убрежки в направлении Прислопа.

Я не мог налюбоваться красотами долины. Мы подошли к Русскому потоку, спускающемуся в Убрежскую долину. За ним открылся живописный вид на север, на далекие черные леса, тянущиеся за польскую границу. У дороги валялись покрытые ржавчиной остовы немецких броневиков, выведенных из строя советскими танкистами. Оглянувшись назад, на долину, где журчала Убрежка, мы увидели на горизонте очертания синих карпатских лесов, за которыми лежит Советский Союз.

— Оттуда пришло освобождение, — взволнованно сказал Михал Кость.

Он начал рассказывать о своей жизни. Его предки с незапамятных времен были безземельными крестьянами, гнули спину на помещика, и Кость с детства работал у епископа.

Но другая доля ждала его впереди. После освобождения страны и разгрома реакции он получил от государства участок земли, построил себе хату. Из четырех братьев Кость — старший работает в Кладно, двое — на новом заводе Вигорлат в Снине. Раньше все они были бы батраками, а теперь изучают токарное дело.

По серпентине мы дошли до Прислопа. Село носит название горы, на которой оно расположено.

— И эта деревня, — говорит Михал Кость, — была раньше во власти епископа. Прислопчанам жилось особенно тяжело, Гойдич отдал их в полное распоряжение кулаку Сисака. Вон там, недалеко от села, в большом доме, огороженном на широком пространстве высоким забором, и жил Сисака. Он выколачивал из бедноты арендную плату для епископа, брал, сколько ему вздумается, и половину клал себе в карман.

— А теперь? — спрашиваю я.

— Он обманывал государство, натравливал находившихся у него в кабале должников на народную власть, связался с бандой террористов. Но их переловили, и кулаку Сисаку пришлось туго. Народ строго покарал его.

По дороге нас нагнал грузовик. Мы взобрались на прицеп, нагруженный бревнами. Земля была еще покрыта снегом, но солнце согревало воздух, и приятный свежий ветерок щипал лицо.

— Глянь-ка, — крикнул я, когда мы спустились в широкую долину речки Цирохи, — а это что такое?

Михал Кость добродушно улыбнулся.

— Стакчинская государственная машинно-тракторная станция!

Большое, прекрасно оборудованное здание. Много отремонтированных сельскохозяйственных машин стояло здесь, ожидая начала весенних полевых работ. А сияющий Михал Кость уже указывал мне на подошву горы, где поднимались новые строения.

— Посмотри, это новый Снин! Завод, растущий с каждым днем благодаря прилежному труду его строителей. Четыре года тому назад на этом месте были пустыри, бесплодные земли, застойная жизнь. А теперь люди здесь ожили, не нахвалятся своей судьбой. Раньше словаки вынуждены были мыкать горе в Америке, Канаде, Бельгии, Франции, куда отправлялись в поисках работы, а сейчас здесь каждый человек нужен. Там,— он махнул рукой в сторону откоса за новым заводом, разраставшимся вглубь все новыми и новыми цехами,— построен рабочий поселок — целый город!

Я не мог оторвать взгляда от пологого, широкого откоса, где выстроились уютные коттеджи рабочих. У подошвы горы возвышались многоэтажные жилые дома. Михал Кость обратил свой просветлевший взор к этому новому достижению нашей пятилетки и, затаив дыхание, как бывает, когда говоришь о чем-то прекрасном, с гордостью произнес:

— Это — наша новая жизнь. Сначала я не понимал, что такое социализм. Но теперь увидел, что открывает он перед человеком. Какой радостной стала жизнь! Вон какая красота, и все это наше! — воскликнул Кость, широко раскинув руки.

У завода мы спрыгнули с прицепа. Михал Кость улыбался. Его тут знали, и нам дали проводника. Вскоре мы уже стояли в учебной мастерской завода Вигорлат. В просторном цехе у разнообразных машин работали подростки. Один из них, белокурый, хлопотавший у фрезерного станка, увидев Михала Кость, подбежал и обнял его.

Это был его младший сын. Он учился здесь первый год. Мальчик вернулся к станку, весь раскрасневшийся от волнения, и стал показывать отцу, чему он уже научился. Стоявший возле юноши мастер Горейши, чех из Пльзеня, только улыбнулся. Он добродушно хлопнул моего спутника по плечу и спросил:

— Ну что, товарищ Кость, доволен?

— Еще бы. А что вышло бы из мальчонки, если бы нас не освободила героическая Советская Армия? Писать и читать не умел бы. Бедовал в горах и жил так, как жили наши отцы, собирал грошик по грошику, чтобы уплатить арендную плату епископу. Еще бы не быть довольным!

Мальчик слушал, наклонив слегка голову, и рассматривал чертеж, по которому он работал.

Таких учеников на заводе — десятки. Правда, не все они находились в мастерской; некоторые были заняты в основных цехах, другие изучали теорию в классных помещениях. В учебной мастерской на видном месте — портрет советского стахановца Павла Быкова. Ребята хорошо знают его биографию.

Мы долго пробыли на заводе. В просторных цехах у станков работали мастера, побывавшие в Чехии и приобретшие на чешских заводах квалификацию. Было приятно смотреть, как рослые и сильные парни, бывшие лесорубы, пастухи, лудильщики и батраки, пускают в ход токарные, фрезерные, сверлильные станки и прессы.

...Возвращаясь, мы бросили последний взгляд на цехи нового завода. Их залитые светом окна были видны издалека, они мерцали в ночной мгле, как звезды, неугасимые, все ярче разгорающиеся звезды нашей пятилетки.

БРАТИСЛАВА

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Лчтгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б00848.